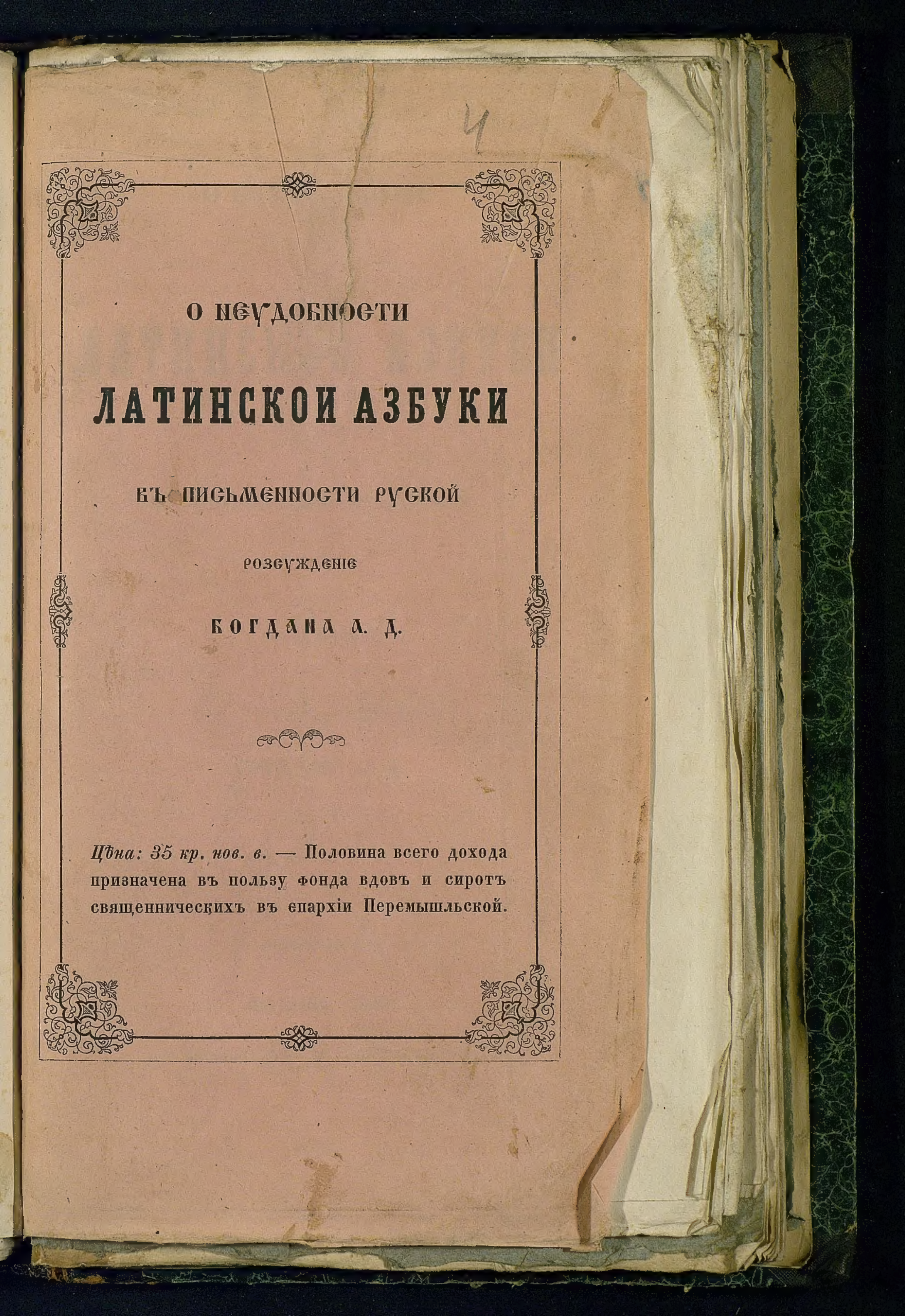

О НЕУДОБНОСТИ

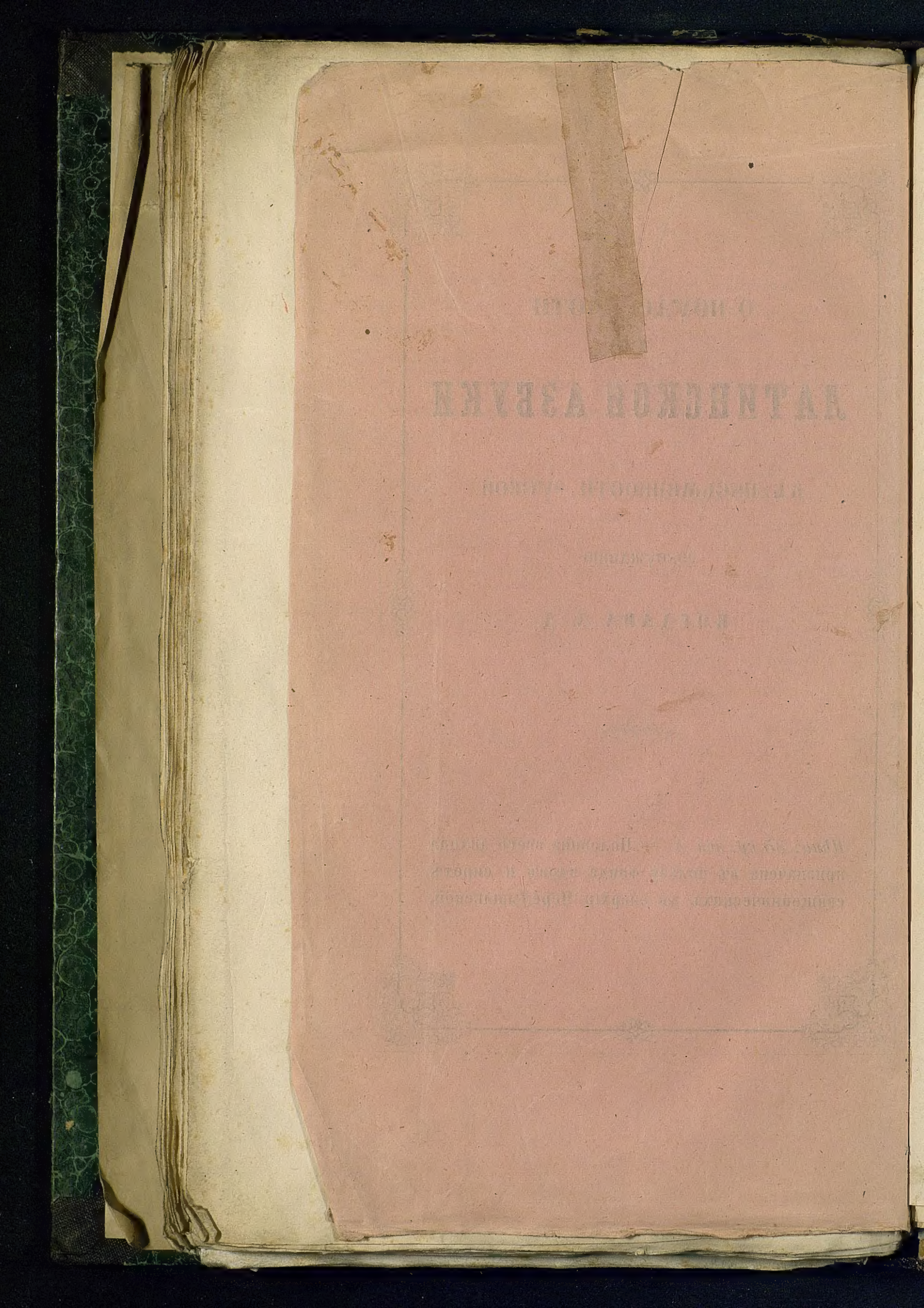
ЛАТИНСКОИ АЗБУКИ

ВЪ ПИСЬМЕННОСТИ РУСКОЙ

РОЗСУЖДЕНІЕ

БОГДАНА А. Д.

Цѣна: 35 кр. нов. в. — Половина всего дохода призначена въ пользу фонда вдовъ и сиротъ священническихъ въ епархіи Перемышльской.

О неудобности

латинской азбуки

въ письменности руской

розсужденіе

Богдана А. Д.

Вѣдень 1859.

Въ книгопечатнѣ оо. Мехитаристовъ.

Єсть въ новости якась принада,—
Но чи приймесь за ню громада?

Вопросъ о оудобности или неудобности латинской азбуки въ письменности руской давно оуже рѣшенъ на великую пользу и въ оудоволеніе нашого народа въ Галицкой и подъ-Карпатской Руси, и просвѣщенніи мужи нашого отечества взявшись отъ времени словесного нашого возрожденія съ большимъ прилѣжаніемъ за трудъ литературный, зъ тѣхъ поръ не пишутъ иначе свои рускіи сочиненія, якъ лише словенскими буквами и правописію словенскою. Даже тіи изъ нашихъ братій, котори передъ 1848 годомъ пробовали нѣсколько разы писати руское свое слово буквами латинскими, навернулись отъ сего памятного года до азбуки словенской, до той азбуки, котора процвѣтала оу насъ лѣтъ около — девять сотъ, и которая въ слѣдствіе того справедливо назватися може руско-словенскою или словено-рускою, якъ ю и предки наши называли. Такъ зъ времени словесного возрожденія всѣ просвѣщенніи Русины читаютъ и пишутъ съ обновленнымъ прилѣжаніемъ по словено-руски. Се дѣло всѣмъ извѣстно, и оно будучи доказательствомъ потребъ и общой воли народа, найшло признаніе и всевозможное подкрѣпленіе изъ стороны В. Правительства.

Не смотря на то, появилась сего года книжка, котора носитъ заглавіе: Nowyi poezyi małoruskii t. j. pisny, dumy, dumki, chory, tańci, ballady etc. w czystom jazyci Czerwono-Rusyniw, wedla żytia, zwyczaiw ich i obyczaiw narodnych, utworyw Lew Eug. Węgliński. Tom I. II. III. Lwihorod

i Peremyszl. Nakładom Autora. 1859. *)— Послѣ обновленного одинадцати-лѣтного царствованія оу насъ словено-рускои азбуки, есть то, о сколько намъ извѣстно, одна и перваꙗ будьто рускаꙗ книжка, котора вся напечатана латинскими буквами ведля польскои правописи. Она, хотя по изъявленію Автора посвящена Lubownykam sławiańskoho krasopyśmenyja т. е. преимущественно всѣмъ Словенамъ; то однакожь приступною есть властиво лишь Полякамъ и тѣмъ Галичанамъ, которіи польскую правопись знаютъ. Вѣдь бо изъ прочихъ Словенъ оуживаютъ одни словенскихъ письменъ, другіи латинскихъ вправдѣ, но ведля правописи чешской, котора отъ польской значно есть отмѣнна.

Книжка сія приступною есть такожь многимъ Русинамъ Галицкимъ, которіи не оуважаютъ то для себе за неславу, що научилися и по польски читати; однакожь она поꙗвившися въ такомъ времени, коли въ нашой письменности азбука словено-руска вновь рѣшительно оутвердилась, и ꙗко единственно рускаꙗ найшла всенародное и законное признаніе, то, кажемъ, въ такомъ времени сія книжка произвела не малое оудивленіе оу тѣхъ именно людей мыслящихъ, которіи или соучаствуютъ въ дѣлѣ розвиванія руской словесности, или же смотрятъ за ходомъ ея съ нѣꙗкимъ вниманіемъ и братнимъ сочувствіемъ. Воистину бо, оуже въ самомъ поꙗвѣ оной книжки мы видимъ нѣꙗко непризнаніе или запереченіе того, що принято и оузаконенно оу насъ всесторонно и всенародно, що изъ давныхъ временъ составляе внѣшнюю стихію житья нашого литературного и общественного.

Для обороны того житья нашого въ всѣхъ его обꙗвахъ ставали предки наши съ оружіемъ слова въ кождой потребѣ, при кождомъ случаѣ; въ оборонѣ той внѣшней

---

*) Осужденіє сихъ поезій Пана Венглинского издали мы недавно въ статьи о „новыхъ поезіяхъ малорускихъ", помѣщенной въ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 числѣ „Сборника", который, ꙗко науково-белетристическая прилога „Вѣстника", выходитъ подъ редакціею много заслуженного Г. Василія Зборовского въ Вѣдни.

стихіи житья нашего руского подносимъ и мы нынѣ голосъ свой противъ сему очевидному ѹневаженію нашего законно признаного достоꙗнія, вовсе не смотрачи на то, чи оуневаженіе оно произойшло по невинной цѣли, чи по недоброй волѣ, чи по невѣжеству. Для насъ довольно того, що вышереченнаꙗ книга ꙗвилась посредствомъ печати въ цѣли общого роспространенія, и оуже само такое ꙗвленіе вызывае насъ и дае намъ право говорити о нашомъ предметѣ ꙗвно, посредствомъ печати, передъ лицемъ цѣлого просвѣщенного міра.

Такъ получивши способность бесѣдити нынѣ сновь о предметѣ, въ которомъ содержится существенный вопросъ нашого внѣшнего житія, освѣдчаемъ на передъ, що не ограничимося едино на розсужденіи, ꙗкое замовили мы на заглавномъ листѣ. Поставивши бо собѣ головною цѣлію: доказати тутъ всю неудобность латинскои азбуки въ письменности руской, мы чувствуемъ оразъ въ собѣ обязанность съ всевозможною точностію, о сколько то въ силахъ нашихъ, довести также все преимущество и единственную для насъ пользу письменъ словенскихъ, въ литературѣ нашой здавна и нынѣ обще оупотребляемыхъ. При розвиваніи нашихъ доказательствъ будемъ держатись, по найлучшой совѣсти нашой, началъ и основаній строгои науки, не намѣряя ніꙗкъ оскорбляти иначе отъ насъ мыслящихъ, а только предъоставляемъ собѣ поꙗснати нашъ предметъ соумѣстными возраженіꙗми противъ нѣкоторымъ голосамъ, неспріꙗющимъ нашой словено-руской азбуцѣ, ꙗкіи майже каждый Русинъ имѣлъ не разъ случай отъ соплеменниковъ и сожителей нашихъ въ частомъ съ ними общеніи слышати и не разъ може опровергати.

Оуказавши тутъ въ началѣ на головніи точки нашого розсужденія и оразъ на свободный, снисходительный способъ, съ ꙗкимъ оное высказывати намѣряемъ, надѣемся найти заровно свободоумное снисхожденіе и терпимость, или принайменѣй принадлежное выслуханье оу всѣхъ, для которыхъ всякій предметъ науки не выдаеся маловажнымъ; а оуповаемъ на се тѣмъ больше, що наше розсужденіе о

неудобности латинской азбуки въ письменности руской не мыслимъ ограничити едино на короткомъ возраженіи: „мы того не пріймаемсѧ, бо такъ оу насъ не бывало.“ Сіе бо возраженіе, хотѧ въ предметѣ нашомъ, ꙗкъ то понизше выкажемъ, имѣе свое великое значеніе; но, стоѧчи само собою безъ основательнѣйшихъ доказательствъ, опертыхъ на началахъ входѧщого сюда знанїꙗ и поровнательной ѧзыкословной науки, може выдатисѧ противной сторонѣ лишь закоренѣлымъ оупорствомъ въ хороненіи престарѣлыхъ формъ, и, же такъ скажемъ, хинскимъ муромъ противъ всѧкому высшому оуспѣху. Абы именно отсторонити отъ насъ подобное подозрѣніе, оудаемсѧ нынѣ о помочь и подъ защиту дотычной науки. А вѣдь храмъ науки длѧ всѣхъ стоитъ отворомъ, и вѣдь всѧкій, кто подноситъ голосъ свой въ имени сей низпосланной намъ небесъ дочери, находилъ и найде всегда послухъ оу свѣта.

I.

Прежде всего должни выказати мы все благодатное преимущество, якое подае намъ словенская азбука и правопись въ приноровлении ей къ письменности руской. Абы сіе тѣмъ точнѣйше доказати, належитъ намъ вернути мыслію въ старину, именно въ тіи времена, коли словенская азбука и правопись имѣла свое начало и первое розвитіе.

Времена тіи, на тысячь лѣтъ отъ насъ отдаленніи, покрытіи суть донынѣ нѣякою мглою, и еще до сихъ поръ не удалось ни одному ученому тую же належито розъяснити. Межи языкословами всѣхъ племенъ словенскихъ продолжаесь въ томъ предметѣ отъ выше ста лѣтъ научовый споръ, который, якъ и всякій споръ ученый, имѣе то утѣшительное послѣдство, що правда чѣмъ разъ больше на верхъ добываеся. Для близшого розпознанія того спору и различающихся въ томъ предметѣ мнѣній отсылаемъ Пчт. Читателей къ статьямъ нашимъ, помѣщеннымъ въ „Сборнику" за годъ 1857 и 1858, именно къ статьи „О азбуцѣ глагольской" въ ч. 7, 9, 10, 13 того „Сборника" изъ 1857, — а къ „Мнѣнію Шафарика о изъобрѣтателяхъ кирилицы и глаголицы" въ ч. 8, 9, 10, и къ „Преподаваніямъ Г. Миклосича о произхожденіи и розпространеніи глаголицы" въ ч. 15 и 16 изъ 1858 года. Тутъ приведемъ лише заключительніи выводы, до якихъ на ономъ трудномъ поприщи прійшли словенскіи языкословы въ само новѣйшое время, розсказуючи то, що ведля ихъ мнѣнія, въ значной части уже соглашаючогося, найбольше есть вѣроятно, яко дѣло наукою майже рѣшенное. И такъ слѣдуя ученымъ, кажемъ:

Передъ тысячу лѣтами существовали въ Европѣ преимущественно три азбуки: греческа, латинска и словенская. Произхожденіе первой относилось въ далекіи передхристіанскіи времена къ первообразу азбуки фини-

кійской; вторая, такъ звана латинская, произойшла на колька сотъ лѣтъ передъ Р. Хр. живцемъ отъ греческой; третью же, с. е. словенскую приписуе болгарскій Черноризецъ Храбръ, жившій на якихъ девять сотъ лѣтъ передъ нами, изъобрѣтательному уму первого Словенъ Апостола, св. Кирила. Тая то послѣдняя азбука должна была въ то древнѣе время значно розличатися отъ греческой и латинской, бо добросовѣстный Черноризецъ не былъ бы такъ рѣзко отличалъ ей словенскій характеръ и названіе отъ двоихъ иныхъ; она должна была розличатися тогда и отъ нашои такъ званой кирилицы, бо та состоячи изъ 24 буквъ греческихъ а 14 приблизительно-глагольскихъ, заслуговала скорше на названіе греческо-глагольской или греко-словенскои. Ученіи рѣшили, що тая словенская азбука передъ десяти вѣками была азбука нынѣ такъ звана глагольская или глаголиця*), сохраненная донынѣ Словенами римского вѣроисповѣданія въ Дальмаціи и на побережіяхъ Истріи и Хорваціи.

Такъ рѣшили найзнакомитшіи изслѣдователи словенскои старины и языкословія, именно два мужи европейскои славы, Шафарикъ и Миклосичъ. Они сознали тую правду въ одинъ голосъ, въ одно майже время, и все розличіе, якое межи ними нынѣ еще сушествуе, относится едино къ вѣрѣ въ изъобрѣтеніе тои азбуки.

Глубокоумный бо Шафарикъ, довѣряючи свидѣтельству Храбра, приписуе изъобрѣтеніе глагольскои азбуки св. Кирилу; высокоученый же Пр. Миклосичъ, слѣдуючи новѣйшому началу языкословнои науки, не вѣритъ вовсе въ изъобрѣтеніе письменъ, но излагаючи сію правду, що письмо вообще дане Богомъ, яко даръ человѣчеству изъ выше, такъ само, якъ языкъ, и земля, и вода, и воздухъ, относитъ языкъ и письмо словенское

*) Съ глагольскою азбукою могутъ Пчт. Читатели наши познакомитись въ дѣлѣ: Památky hlaholského písemnictví, vydal Pavel Josef Šafařík. V Praze 1853, или же въ: Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico, edita a Presb. Joanne Berčic. Pragae 1859., въ которой суть и двѣ таблицѣ азбуки глагольскои. (Стоитъ 1 р. 40 кр. нов.)

къ колыбели человѣческого рода въ средоточной Азіи; а основуючися на той правдѣ онъ оутверждае, що древніи Словене сохранали долго къ службѣ язычества свое письмо, которое въ послѣдствіи времени употребилъ къ роспространенію межи ними Христіанства посланникъ Божій, св. Кирилъ, получившій отъ благодарнои потомности, вмѣсто скромного имени роспространителя, славнѣйшое названіе изъобрѣтателя письменъ словенскихъ.

Взявши на оувагу тіи обстоятельства, що воистину нѣтъ на свѣтѣ ни однои азбуки, о которой бы сказати можно съ точностію, яко она изъобрѣтена тѣмъ или онымъ извѣстнымъ человѣкомъ; що къ тому знаніи намъ азбуки индо-европейскихъ и даже семитскихъ языковъ ведутъ свое произхожденіе одна отъ другои, якъ то на пр. латинска отъ греческой, греческа отъ финикійской, таяже отъ сторонъ, близшихъ колыбели индійского племени; що такимъ дѣломъ извѣстніи, сохраненіи донынѣ азбуки стоятъ съ собою въ отношеніи незапереченного сродства; що наконецъ и глагольская азбука носитъ на собѣ слѣды древнѣго письма финикійского, коптского, арамейского и еврейского, — взявши тіи обстоятельства въ уваженіе, мы пойдемъ рѣшительно за мнѣніемъ Г. Пр. Миклосича, тѣмъ больше, що и самъ Г. Шафарикъ сомнѣваеся въ неиспорченности Храброва свидѣтельства, а принаймнѣй явно вызнае, що дошедшая до насъ кирилицкая рукопись Храброва сочиненія вѣроятно снятою была изъ глагольского первотвора, и въ слѣдствіе того подверглась нѣкоторымъ измѣнамъ, о якихъ легко догадатися.

Такимъ дѣломъ рѣшено уже долголѣтнымъ трудомъ и наукою, що въ половинѣ IX вѣка с. е. во время св. Кирила и Мефодія существовала уже глагольская азбука, названная тогда словенскою (боукъвица словѣньская, literae sclovenicae, τὰ σϑλαβικὰ γράμματα), и то доказано глагольскими памятниками, сохраненными донынѣ, а сягаючими майже до временъ Мефодія. Азбука тая, хотя по старинной, многосложной формѣ буквъ своихъ утрудняла не мало скорое писаніе, но имѣла

въ своемъ составѣ всѣ знаки, для выраженія звȣкôвъ старословенского языка необходимо потребніи, и была въ слѣдствіе того весьма здôбною до составленія правописи, томȣ языкȣ соотвѣтной и природной. О той правописи бȣдемъ говорити понизше; теперь же послѣдȣемъ еще за открытіями наȣки въ областяхъ старины, абы дойти до нашои греко-словенскои кирилицы, котора и обокъ старшои сестры глагольскои ничого не ȣтратитъ на своемъ преимȣществѣ.

Оуже Черноризецъ Храбръ говоритъ, що Словене въ Болгаріи и Греціи пробовали еще передъ Кириломъ писати словенскіи грамоты бȣквами греческими; однакожь се не ишло имъ въ ладъ, бо въ греческой азбȣцѣ неставало бȣквъ, потребныхъ къ выраженію звȣкôвъ словенскихъ. Иный же, може современный томȣ свидѣтель Грекъ каже, що св. Климентъ, Епископъ Белицкій оу Словенъ болгарскихъ ȣпотреблялъ для бôльшои вразȣмительности иніи бȣквы, отъ кириловскихъ розличніи*). — Если слѣдȣючи Шафарикȣ, возьмемъ тȣтъ въ ȣваженіе, що сіе свидѣтельство о словенскомъ Епископѣ Климентѣ походитъ отъ Грека, для которого бȣквы бôльше вразȣмительніи были очевидно греческіи; если къ томȣ звернемъ ȣвагȣ и на се обстоятельство, що глагольско-словенское письмо почитано тогда изъобрѣтеніемъ св. Кирила и называно кириловскимъ (кюрилиця): то свидѣтельство Храбра и оного Грека наведе насъ на слѣдъ событій, въ исторіи письменности словенскои дȣже важныхъ. Тȣтъ произойшла замѣчательная реформа письма, которои начало такъ толкȣе наȣка: За св. Кирила (862 г.) сȣществовала ȣ Словенъ азбȣка глагольская, вѣроятно самая древняя. Словене въ Греціи, которіи познакомились съ выгоднѣйшою отъ глагольской греческою азбȣкою, старались ȣже давно тȣюже ȣ себе завести; однакожь число 24 бȣквъ было для обыльности звȣкôвъ ихъ языка надто недостаточное. Нале-

*) Excogitavit (ἐσοφίσατο) etiam S. Clemens ingeniose propter majorem perspicuitatem literarum notas diversas ab eis, quas sapiens Cyrillus invenerat. (Vita S. Clem. Bulg. 14.)

жало тотъ недостатокъ дополнити; на се дѣло рѣшился въ началѣ X вѣка словено-болгарскій Епископъ, св. Климентъ († 916 г.).

Онъ составилъ греческо-словенскую азбуку, или нашу такъ звану нынѣ кирилицю, поступаючи такъ, що до 24 буквъ греческихъ, для которыхъ существовали особеннiи, однакожь труднѣйшiи знаки въ глаголицѣ, додалъ 14 буквъ изъ того первобытно-словенского письма глагольского, или же изъ властиво тогда такъ званой „кюрилицы“; но св. Климентъ приноровилъ ихъ при томъ къ формѣ знаковъ греческихъ съ такою точностiю, що его новосложенная азбука показалась навѣть изъ внѣшнѣго виду совершенною, согласно и якъ найлучше устроенною. Сiя азбука соединила двѣ стихiи, греческу и словенскую, произшедшiи впрочемъ изъ одного же первобытного жерела, въ одну стройную цѣлость, и содержала въ собѣ всѣ условiя, потребнiи для составленiя доброи словенской правописи. Выражаючи къ тому 38 знаками всѣ тiи звуки, якiи выражала и азбука глагольская, имѣла оная греческо-словенская передъ глагольскою еще и то преимущество, що по внѣшнѣму своему начерку была простѣйшою и выгоднѣйшою къ скорому писанiю; а кромѣ того учила она оразъ читати и греческiи книги, которiи въ тогдашнѣе время писались такимъ самымъ почеркомъ 24 буквъ греческихъ. Тожь не диво, що Словене, особливо греческiи и болгарскiи, скоро похватили сiю реформу, т. е. сiю не нову уже новость, и греческо-словенская азбука сталась вскорѣ у нихъ преимущественно владѣющою. Обокъ неи существовала еще нѣкоторое время старинная глаголиця, но мало по малу уступала мѣстце сестрѣ молодшой: за то процвѣтала она хотя въ обмеженной части обокъ латинского письма у Словенъ юго-западныхъ, у которыхъ на побережiяхъ ядерского моря донынѣ сохранилась.

Рѣшительного преобладанiя и распространенiя у восточныхъ Словенъ дознала греческо-словенская азбука въ концѣ тогоже X столѣтiя, коли ровно-апостольный Великiй Князь Кiевскiй, св. Владимиръ, окрестилъ 988 г. языческую Русь свою въ волнахъ Днѣпра-слову-

тицѣ. Для крещенія своего народа призвалъ онъ словенскихъ священниковъ изъ Греціи и Болгаріи, которіи въ словенскихъ переводахъ святого письма принесли на Русь вышереченную азбуку.

Изслѣдовательная наука открыла вѣрніи слѣды, изъ которыхъ можно заключати, що въ оно старинное время извѣстною была на Руси также глаголиця; но тую вытѣснила вскорѣ принесенная свѣжо азбука греческо-словенская, котора вѣдь содержала всѣ внутренніи свойства глаголицы, а для простого складу своего внѣшнёго оказалась выгоднѣйшою и къ письменности руской. Она носила тутъ сперва названіе азбуки словѣньской, потомъ словено-руской или просто руской, наконецъ, коли память о ей истинномъ произхожденіи тратилась въ народѣ, названо ю для высшого почитанія такъ, якъ называно колись старшую глаголицю: кирилицею. Сіе имя сохранилось ей у насъ донынѣ.

Се есть ведля новѣйшихъ изслѣдованій науки короткій очеркъ розвитія и роспространенія двоихъ словенскихъ азбукъ, употребляемыхъ великою частію Словенъ въ письменности ихъ еще и въ наше время.

Звернѣмъ теперь увагу на внутреннёе устройство тѣхъ словенскихъ азбукъ, именно на правопись, яку они для словенского языка составити суть способни. Мы ограничимось едино на изложеніи началъ правописи греческо-словенской или словено-руской, во первыхъ: лишь тая насъ больше обходитъ, во вторыхъ же: всѣ правила, о сей излагаеміи, относятся въ ровной мѣрѣ и до правописи глагольской, ведля которой вѣдь составилась и наша.

Основное правило доброи правописи есть: абы она выражала докладно не только властивое произнощеніе словъ, но оразъ и тѣхъ словъ коренное произхожденіе. Для того кажемъ: „пиши, якъ говоришь, но вырази оразъ въ письмѣ корень или произхожденіе всякого слова“. Сіе послѣднёе потребно есть разъ: для чистоязыкословныхъ цѣлій, во вторыхъ: для розличенія словъ, по звуку иногда до себе подобныхъ, а по произхожденію цѣлкомъ отъ себе инородныхъ.

Такимъ дѣломъ правопись, котора сіи два свой-

ства: настоѧщое словопроизношеніе и оразъ историческое словопроизхожденіе съ всевозможною точностію въ собѣ соединѧе, есть добра и соотвѣтна ѧзык8, длѧ которого оуживаесѧ. Оувидимъ, о сколько тіи два свойства содержатсѧ въ правописи греческо-словенской.

Мы оупомѧн8ли выше, що св. Климентъ, — или кто б8дь тамъ впрочемъ былъ благоразумный составитель письма греко-словенского, — взѧлъ за основаніе къ своей азб8цѣ всѣ 24 б8квы тогдашнѣй азб8ки греческой, а длѧ дополненіѧ прочихъ словенскихъ зв8ковъ, ѩкихъ въ греческомъ ѧзыцѣ не было, заимствовалъ 14 б8квъ изъ письма глагольского, принороввлѧючи ихъ къ формѣ б8квъ греческихъ. Письменный памѧтникъ, въ которомъ сіѩ, да такъ назвемъ, Климентова азб8ка сохраниласѧ до насъ майже въ первобытной формѣ, есть извѣстное Остромирово Єванґеліє*), писанное въ Новгородѣ 1056 и 1057 года. Др8гій длѧ нашего предмета д8же в8жный памѧтникъ есть розс8жденіе „О письменехъ" Черноризца Храбра, дошедшое до насъ въ р8кописи зъ XII вѣка. Черноризецъ той говоритъ, що св. Кирилъ (ѩкъ т8 имѧ сіе толкевати, показано нами выше) „сътвори л҃ (30) письмена и осма, ова оубо по чиноу грьчьскыихъ письменъ, ова же по словѣнстѣи рѣчи", и Храбръ самъ считае греческихъ письменъ 24: *А, В, Г, Δ, Е, Ζ, Н, Θ, І, К, Λ, М, Ν, Ξ, О, П, Р, Σ, Т, Υ, Φ, Х, Ω, Ψ*; по словѣнстѣй же рѣчи 14 слѣд8ющихъ б8квъ: б, ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ъ, ъі, ь, ѣ, ю, ѧ, ѫ. До сихъ 38 б8квъ придано вскорѣ по образц8 словенскои б8квы: ю**) еще 4 іотованыхъ: ꙗ, ѥ, ѩ, ѭ, а позднѣйше и слитн8ю: й. Присмотрѣмсѧ той азб8цѣ близ-

---

*) Сіе весьма замѣчательное Єванґеліе издалъ съ приложеніемъ греческого текста и съ грамматическими объясненіѩми въ первый разъ 1843 г. славный А. Востоковъ! Самъ словенскій текстъ перепечаталъ В. Ганка въ Празѣ 1853. (Ганково изданіе стоитъ лишь 1 р. ср.)

**) Неосновно д8маютъ нѣкоторіи ѧзыкословы, що б8ква ю составиласѧ изъ греческихъ і, о, υ, = ιου, въ которой то троегласной крайнее υ б8дьто отпало. Том8 мнѣнію противитсѧ свидѣтельство Храбра, и кромѣ того сама же форма б8квы ю, котора очевидно сходна съ фор-

ше: Греческіи 24 букві имѣютъ въ найстаршихъ рукописѧхъ словенскихъ цѣлкомъ той самъ видъ, ѩкій имѣли они въ рукописѧхъ креческихъ зъ IX—XII вѣка; къ тому же маютъ они и тогдашнѣе греческое произношеніе (B=w; Γ=g; H=i*). Прочіи же 14 буквъ словенскихъ занѧтй изъ старинной азбуки глагольской, однакожь такъ, що внѣшній видъ ихъ значно ўпросченъ и до складу письменъ греческихъ по возможности приноровленный. Изъ нихъ буквы: ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ь, ю, ѫ очевидно сходнй съ глагольскими**), тôлько же послѣднѧ буква мае въ глаголицѣ не много иный звукъ (ѩ и ѣ); согласнаѩ в есть ўдачнымъ соединеніемъ глагольскои боукы съ греческою $B\varepsilon\tau\alpha$; полугласнаѩ ъ произойшла отъ глагольской ь, и выражаючи въ противоположность сей послѣднѣй звукъ твердый, составила въ соединеніи съ греческою и, ї, словенскую: ъи, ъі (нынѣ ы), такъ ѩкъ сновь глагольскаѩ ь въ иномъ соединеніи съ греческого є составила словенскую букву ѣ (ьє), въ которой є вписана нѣѩко въ верху ўбôльшенной полугласной ь. Носоваѩ самогласна ѫ составлена по образцу глагольскои ѫ, и заокругленье еи въ верху имѣе свое

мою тойже буквы въ азбуцѣ словено-глагольской, и изъ тонже снѧта. Мимоходомъ замѣчаемъ еще, що вліѩніе глаголицы на азбуку греко-словенскую произходило навѣть и въ времени, отъ насъ не дуже далекомъ; о томъ свѣдчитъ именно форма буквы г въ нашой скорописи, котороѝ первое розвитіе началось зъ XVI вѣка оу насъ въ Галицкой Руси. Въ той скорописи глагольскаѩ буква г занѧла рѣшительно мѣстце греческои Г.

*) Изъѧтіе видимо въ буквѣ Θ, произносимой оу Грекôвъ ѩкъ TX или TS, который то сложный звукъ надто былъ чужій Словенамъ, и они оуживаючи сію букву лишь въ именахъ греческихъ, произносили и произносѧтъ ю троѩко: ф, т и фт.

**) Буквы: Ц, Ч, Ш можно бы произвести и зъ еврейского двойного цаде (ץ, צ) и шинъ (ש), а полугласніи ь, ъ, изъ азбуки коптской; однакожь близша тутъ глаголицѧ, котора такъ тіи, ѩкъ нѣкоторіи иніи буквы имѣе сходнй съ старо-еврейскими и иными азійскими, що также свѣдчитъ о еи глубокой старинѣ.—При той способности изъѩвлѧемъ свой жаль, що не есмо въ состоѩніи навести тутъ буквъ глагольскихъ, бо нѣтъ ихъ нынѣ еще ни въ одной книгопечатни Буденьской. Единый печатный прототипъ азбуки глагольскои существуе за стараніемъ Шафарика въ книгопечатни Газа въ Празѣ.

толкованіє въ формѣ бꙋквъ глагольскихъ. — Що до произношенія тѣхъ бꙋквъ, розличалось оно отъ теперѣшнѣго нашого въ колькохъ слѣдꙋющихъ: бꙋква ѕ звꙋчала=дз; щ=шт; ъ=глꙋхое о; ь=легко слышное і или е; ѣ=йе или долгое е, ей или такожь йа, еа; ***) ѧ=ен, ę; ѫ=он, ą; ѩ, ѭ=ję, ją.

Такій былъ складъ и произношеніє греко-словенскихъ бꙋквъ во время св. Климента и Черноризца Храбра первоначально въ Болгаріи, потомъ же за св. Владимира и Новгородского посадника Остромира (см. его Євангеліє) такожь на Рꙋси. Однакожь на Рꙋси, особливо же въ южныхъ ей ѿдѣлахъ, перемѣнился ѹже въ концѣ XI. вѣка (см. два „Сборники Святослава“ изъ 1073 и 1076 г.) подъ вліяніємъ народного языка вправдѣ не складъ, но выговоръ колькохъ словенскихъ бꙋквъ вѣроятно такъ, якъ онъ звꙋчитъ ѹ насъ и нынѣ. Сей перемѣнѣ по произношенію подлягло лишь 5 слѣд. бꙋквъ: г, щ, ѣ, ѧ, ѫ, зъ которыхъ послѣдня (ѫ, ѭ), яко не свойственна рꙋскомꙋ языкꙋ ѿстꙋпила мѣстце звꙋкꙋ и бꙋквѣ ю (ꙋ, ѵ, *) полꙋгласніи же ъ и ь тратили съ временемъ свой полꙋзвꙋкъ, и слꙋжили, якъ слꙋжатъ и нынѣ, єдино для означенія твердого или мягкого звꙋка

***) Произношеніє бꙋквы Ѣ яко продолженного Є или ЄЙ выводитъ Г. Пр. Миклосичъ весьма остроꙋмно изъ выговора Словѣнцевъ и зъ произношенія словенскихъ словъ въ языцѣ мадярскомъ, въ которомъ на примѣръ словенское: СѪСѢДЪ звꙋчитъ нынѣ: szomszéd=сомсейдъ; ОБѢДЪ=ebéd=ебейдъ; — а же она бꙋква произносилась также якъ ЙЯ или ЄЯ доказꙋе Пр. Миклосичъ разъ изъ того, що на звꙋки ЙЄ и ЙЯ находится въ глаголицѣ лише одинъ знакъ (Ꙗ), во вторыхъ же, що и въ греко-словенскихъ памятникахъ ѹживаєся бꙋква Ꙗ иногда вмѣсто Ѣ, на пр. нꙑнꙗ вм. нꙑнѣ.

*) Чꙋдное тꙋтъ сꙋществꙋе правило для носовыхъ самогласныхъ, доказꙋющое о великомъ преимꙋществѣ словенской и рꙋской правописи! Старословенскіи ѧ, ѩ, ѫ, ѭ, стоявшіи въ тѣхъ словахъ, которіи носовꙋ гласнꙋ имѣютъ нынѣ и въ языцѣ польскомъ, застꙋпленй ѹ насъ постоянно: ѧ и ѩ бꙋквою я или а; ѫ и ѭ бꙋквами ѹ и ю; на пр. мѧсо, жѧти, ѩзыкъ,=мясо, жати, языкъ = mięso, żąć, język;—мѫжь, стоѭ, рѫка = мꙋжь, стою, рꙋка, = mąż, stoję, ręka. Такъ если изъ польск. языка познаемъ, где стояла носова гласна въ старословенскомъ, то сновь изъ рꙋского съ всякою точностію вѣдаемъ, котора изъ сихъ двоихъ тамъ стояла.

б8квъ согласныхъ, котор8 то бусл8г8 дѣлали впрочемъ сіи пол8гласніи заразомъ такожь и въ письмѣ старословенскомъ.

Съ помочію тѣхъ 38 б8квъ выражала греко-словенская азб8ка всѣ зв8ки пребогатого словенского языка, и дала основаніе такой правописи, котора до нынѣшнёго дня наполняе весь ученый міръ удивленіемъ, и возб8жае найвысшое для себе почитаніе. Не станемъ приводити т8тъ въ честь ей важныхъ и въ цѣлой Европѣ высоко цѣнимыхъ словъ Добровского, Копитаря, Востовова, Шафарика, Миклосича и иныхъ первостепенныхъ языкослововъ; не б8демъ наводити ихъ всепохвальныхъ и рѣшительныхъ въ томъ предметѣ мнѣній, — ибо на то належало бы писати особне просторонное дѣло. Мы скажемъ лишь коротко, що обокъ найл8чшои правописи, яка коли въ Европѣ с8ществовала, обокъ правописи классичной, старо-греческой,—найпервшое мѣстце признано правописи старословенской, понеже тая, розвиваючися въ с8сѣдствѣ и подъ вліяніемъ гл8боко-понятой греческой на8ки, соединила въ ч8дн8 стройн8ю цѣлость два сіи свойства правописного совершенства: докладное произношеніе и коренное произхожденіе словъ бесѣды словенской. Сіе преим8щество надавали ей особливо овіи 14 б8квъ природно-словенскихъ; и тоеже преим8щество с8ществ8е также въ нашой словено-р8ской правописи, котора вѣдь вся составлена на основаніи правописи греко-словенскои.

Роскрыйте стариннiи Словенъ книги, возьмѣть до р8кѣ Остромирово Евангеліе, — т8тъ зач8д8етесь, наполнитеся непонятнымъ восторгомъ надъ тою точностію, надъ тѣмъ постоянно правильнымъ складомъ, съ якимъ слово за словомъ писано отъ первой строки до послѣднёй. Перенесетесь мысліювъ старин8, на девять вѣковъ отъ насъ отдаленн8; воображаете собѣ побожного м8жа, воспитанного святою вѣрою Христа и ч8дною на8кою классической Гелады: онъ сидитъ въ своей сомотной кельи, — и пише книг8 словенск8. А якъ пише? ото, не едино такъ, якъ всякій зв8къ произноситъ, но оразъ чертае въ кождомъ словѣ съ видимымъ розличіемъ самъ же корень слова. Не мѣ-

шаютъ емꙋ въ томъ подобнозвꙋчніи бꙋквы, ꙗкъ на пр. ю, ѣ; і, и; и, ы; ѧ, ен, ꙗ; ж, ш; сч, шт, щ; з, с; дс, тс, ц; пс, ѱ; ъ, ь, и пр.; но онъ, знаючи кождои изъ тѣхъ бꙋквъ первобытне коренное значеніе, ставитъ кождꙋ на еи природномъ мѣстцѣ. Чꙋдно, поразительно соблюдае онъ строгꙋю постоꙗнчость въ словенской правописи; и коли послѣ долгого, прилѣжного трꙋда совершитъ свое дѣло, — не найдешь въ ономъ ни одного бо̂льшого грѣха противъ высокой ѧзыка наꙋцѣ!

Не можемъ входити тꙋтъ въ подробное изложеніе правилъ отличной старословенскои правописи, понеже належало бы намъ говорити просторонно о всѧкой бꙋквѣ такъ самогласной, ꙗкъ и согласной, що властиво предметомъ есть особнои ѧзыкословной наꙋки: звꙋкословіꙗ. Тожь отсылаючи Пчт. Читателей къ дотычнымъ трꙋдамъ извѣстныхъ словенскихъ ѧзыкослововъ, преимꙋщественно же къ неоцѣнимымъ трꙋдамъ Пр. Миклосича *), мы приведемъ тꙋ длѧ поꙗсненіꙗ нашого предмета лишь одинъ примѣръ, которымъ докажесѧ вышереченное преимꙋщество словенскои правописи. Ото беремъ два слова: свѣтъ и свѧтъ, которіи ведлѧ старинного прозношеніꙗ самогласныхъ ѣ и ѧ имѣли звꙋкъ приблизительно подобный, но корени вовсе розличніи. Если бы древніи Словене, пишꙋчи слово свѣтъ, были слѣдовали единно своемꙋ выговорꙋ, то на пр. сѣверніи были бы писали: свьетъ, свютъ или сьвітъ, южніи и западніи: светъ, свейтъ, свꙗтъ; такъ и слово свѧтъ сѣверніи писали бы: свꙗтъ, сьвьетъ или свютъ, южніи же и западніи: светъ, свѣтъ, свентъ; — а однакожь всѣ Словене, оупотреблѧвшіи греко-словенскꙋю правопись, не смотрѧчи на сꙋществовавшое оуже тогда розличіе выговора, писали постоꙗнно и неизмѣнно лишь: свѣтъ и свѧтъ; и такъ розличили оразъ видимыми отмѣнными знаками оныхъ словъ корень или произхожде-

---

*) Именно относѧтсѧ сюда: Die Lautlehre, и die Wurzeln des Altslovenischen von Fr. Miklosich. Послѣднее дѣло выйшло въ Бѣдни 1857, и заслꙋгꙋе на всеобщое оу Словенъ распространеніе. (Стоитъ лишь не сполна 1 р. нов.)

ніє, которое толкуеся нынѣ весьма оумно на основаніи поровнательного индо-европейского языкословія.

Сей примѣръ наводитъ насъ мимовольно еще на одно преимущество, которымъ отличалась словенская правопись и отличаеся передъ иными донынѣ. Думаемъ тутъ розличное произношеніе однихъ и тѣхъ же буквъ ведля розличія нарѣчій словенскихъ. Изъ поровнанія слѣдуючихъ 8 буквъ ведля розличного произношенія ихъ въ шести головныхъ языкахъ словенскихъ оувидимъ то преимущественное свойство словенской азбуки найяснѣйше:

Стар. слов.	Польск.	Руск.	Россійск.	Чешск.	Сербск.
г, g	g	, h	г, g	h	г, g, ch, h
и, i	i	и, y, i	и, i	i	и, i
ы, y	y	ы, y	ы, y	y, i	ы, i
ѣ, je, ē, ja	ja, je	ѣ, i	ѣ, je, (jo)	je, ě, i	ѣ, je, ije, i
ѧ, ę	ę, ą	ѧ, ja, je, a	ѧ, ja, je, a	a, e, je	(ѧ), e, je
ѫ, ą	ą, ę	оу, u	у, u	ou, u	у, u
о, o	o, u	о (ô), o,i,u	о, o, a	o, u	о, o (a)
є, e	e, je, jo, o	є (є̂ є̈), e,i,jo	є, є̈,je,jo,o	e, je	є, e.

Изъ того поровнанія видно, що одна и та же словенская буква произноситcя ведля розличныхъ нарѣчій розлично, и що, пишучи ю ведля того розличія нарѣчій буквою латинскою, належитъ оупотребити къ тому не одной лише латинской, но множанхъ; що такимъ дѣломъ словенская азбука мае на множаи звуки одинъ и тотже знакъ, латинская же множаи.*) Тѣмъ преимущественнымъ свойствомъ розличного произношенія одной и тойже буквы отличалась обокъ словенской такожь гре еска правопись. Оу Грековъ во такъ старинныхъ, якъ и нынѣшнихъ встрѣчаемъ подобное же розличіе нарѣчій, а ведля тѣхъ и розличное нѣкоторыхъ буквъ произношеніе; такъ на пр. греческое:

---

*) На своемъ мѣстци покажемъ еще, що латинская правопись въ розличныхъ языкахъ мае не только для множанхъ звуковъ знаки множаи, но и для одного и того же звука знаковъ — до десяти!

Η, η звȣчитъ ꙗкъ продолженное е — и оразъ ꙗкъ долгое і,
Ω, ω „ „ „ о — „ „ „ „ а*),
Θ, ϑ „ „ латинское th (тх) — „ ꙗкъ англійское th (tz),
Ζ, ζ „ „ „ z — „ „ польское dz,
Β, β „ „ наше б — „ „ наше в.

Се есть преимȣщество, которое надае одной и той-же азбȣцѣ обокъ оного свойства: выражати докладно корени слова, еще и сію рѣдкȣю властность: ȣ̂доволити всѧкимъ отмѣнамъ произношеніѧ ведлѧ розличіѧ одноплеменныхъ нарѣчій. Сіе то послѣднѣе превосходное свойство греко-словенской азбȣки наводило ȣ̂же нѣкоторыхъ ȣ̂ченыхъ въ Чехахъ и Хорваціи на мысль, ȣ̂потреблѧти, вмѣсто сȣществȣющой тамъ латинской азбȣки, нашȣ словенскȣ; однакожь сіе ȣ̂потребленіе нынѣ еще дȣже тамъ обмеженное.**)

Такъ дȣмаемъ, що достаточно изложили мы тȣтъ и внѣшніи и внȣтренніи преимȣщества азбȣки греко-словенской, а съ тою же разомъ и нашой словено-рȣской. Сіѧ бо послѣднѧ произойшла безпосередно отъ первой, и есть нѣꙗко тою же самою. Все розличіе, ꙗке межи ними двѣма заходитъ, есть не много отмѣнное произношеніе извѣстныхъ пѧти бȣквъ и застȣпленіе одной изъ нихъ иною (ж=ȣ, ȣ̂). Сіѧ азбȣка, а съ нею правильна словенскаѧ правопись сохранѧлась на Рȣси всецѣло и ненарȣшимо выше девѧти сотъ лѣтъ, и никто ѹ насъ не посмѣлъ дѣлати ꙗковыхъ нововведеній, бо всѧкій ѹвѣренъ былъ въ ей высокомъ совершенствѣ, и всѧкій предпочиталъ ю ȣ̂ насъ надъ всѣ иніи

---

*) Що греч. *ω* звȣчала также ꙗкъ наше ȣ̂, доказȣе давный греческій способъ писаніѧ имени *Ρως*=Рȣсь, ѹживаный Греками отъ того времени, коли се имѧ ѹ насъ завелосѧ (ѿъ Рюрика и его Варѧго-Рȣтсовъ, 862 г.).

**) Ѹпомѧнемъ тȣтъ о книжечцѣ чешской, изданной подъ заглавіемъ: „Новый правописъ ческій, Пȣхмира“, котора всѧ печатана гражданкою. Къ томȣ же въ чешскихъ, хорватскихъ и словѣнскихъ „Читанкахъ“ школьныхъ, издаваемыхъ В. Правительствомъ, сȣть рѣшеніѧ „загадокъ“ печатанѝ кириллицею, що доказȣе, ꙗко и В. Правительство ѹзнае потребȣ обзнакомленіѧ съ оною азбȣкою и тѣхъ Словенъ, котори ѹживаютъ бȣквъ латинскихъ.

азбꙋки. Єдиное нововведеніе, ꙗке въ новѣйшôмъ времени, при самостоꙗтельнѣйшомъ розвиваніи рꙋского народнего ѧзыка показалось потребнымъ, состоитъ лише въ поверховномъ означеніи четырехъ греко-словенскихъ бꙋквъ, которіи при томъ вовсе не тратѧтъ своеи первобытнои формы, и причинѧютсѧ едино къ точнѣйшомꙋ выраженію звꙋкôвъ, свойственныхъ мало-рꙋской бесѣдѣ. Єсть то сіи 4 извѣстнїи бꙋквы: ô, ê (ë), ӥ, ꙉ. Первіи двѣ, выражаючіи звꙋкъ тонкого ї, завелъ передъ 25 лѣты многоꙋченый Оукраинецъ Пр. М. Максимовичъ; бꙋква ë=jo заимствована изъ такъ званои гражданки; бꙋквы же ӥ, ꙉ=дж розвились естественно за новѣйшого времени оу насъ въ Галичинѣ. Но ꙗкъ сказано, тіи бꙋквы вовсе не измѣнили внꙋтреннёго складꙋ греко-словенской азбꙋки; они, оуживанніи Мало-Рꙋсинами, стоѧтъ на томъ же самомъ мѣстци, на которомъ ставились черезъ тысѧчь лѣтъ ихъ прототипы безъ дашкôвъ и точокъ, а кромѣ того оставлено се свободѣ всѧкого рꙋского писателѧ, ôуживати оніи дашки и точки всюда, или зъ рѣдка, или же вовсе не оуживати, тѣмъ бôльше, що и выговоръ нашъ народный въ произношеніи стисненыхъ о, е, не всюда звꙋчитъ ꙗко і, но произноситсѧ иногда ꙗкъ ꙋ, иногда же також чисто, полно, ꙗкъ въ старословенскомъ.*)

Всецѣло, ненарꙋшимо, ꙗкъ свѧтаѧ вѣра оу нашихъ предковъ, ꙗкъ найдорожшій скарбъ народа, сохранѧлось оу насъ черезъ тôлько вѣкôвъ письмо греко-словенское, — произведеніе глꙋбокопонѧтой наꙋки, чꙋдный плодъ классической Греціи и праматери нашой словенской! Долгіи столѣтіѧ освѧтили оу насъ письма того ôупотребленіе; многіи свѧтіи, богоизбранніи мꙋжи писали нимъ свѧтое слово, такъ, що ôуже своею послꙋгою къ свѧщенной цѣли, къ дѣламъ Христіанской цер-

---

*) Вѣдь говорѧтъ оу насъ зарôвно Бôгъ ꙗкъ и Богъ, рôкъ и рокъ, старôсть и старость и пр.; въ оугорской же Рꙋси зарôвно Бꙋгъ, рꙋкъ, кꙋнь, ꙗкъ и Богъ, рокъ, конь; говорѧтъ оу насъ также лêдъ, лëдъ ꙗкъ и ледъ, лêнъ и ленъ, въ своêмъ лѣтꙋ ꙗкъ и въ своїмъ и своемъ летꙋ. — Впрочемъ, Рꙋсины оугорскіи оныхъ значкованыхъ бꙋквъ вовсе не оуживаютъ.

кви, оно даже и въ высшомъ значеніи освѧтилосѧ. Через весь десѧти-вѣковый протѧгъ исторического сꙋществованіꙗ Рꙋси подавало оно безъ перервы нашомꙋ народꙋ единый пристꙋпъ къ свѧтынѣ высокихъ правдъ Божихъ, небесной наꙋки и небесного откровеніꙗ; а отъ блаженного времени словесного нашого возрожденіꙗ оно едино и преимꙋщественно пригадало намъ, що мы Рꙋсины, тіже Рꙋсины, которіи за Владимира окрестились, и съ словомъ Христа письмо словенское принѧли! Сіе письмо такъ священне, такъ оу насъ многоцѣнимое, рѣшилсѧ нынѣ одинъ нѣбыто червоно-рꙋскій писатель застꙋпити письмомъ инымъ, иною правописїю!

Приглѧнѣмсѧ томꙋ то иномꙋ письмꙋ и той иной правописи въ статьи слѣдꙋющой.

II.

Мы ꙋпоманꙋли въ статьи I-ой, що передъ тысѧчꙋ лѣтами сꙋществовали въ Европѣ три азбꙋки: греческа, латинска и словенскаꙗ. Однакожь, если подъ азбꙋкою словенскою розꙋмѣемъ глаголицю, отъ греческой вовсе отмѣннꙋю, то справедливше скажемъ, що сꙋществовали тогда въ Европѣ лишь двѣ самобытніи азбꙋки: греческа и словено-глагольскаꙗ. Изъ сліѧніꙗ тѣхъ обоихъ розвилась може еще и въ Меѳодіево времѧ († 885) азбꙋка греко-словенскаꙗ. Изъ греческой же самой произойшла еще на ꙗкихъ 300 лѣтъ передъ Христомъ азбꙋка латинска, котора всѧ такъ дꙋже сходствꙋе съ своимъ первотворомъ, що и не заслꙋгꙋе числитисѧ тꙋтъ особенною, тѣмъ меньше же называтисѧ самобытною*). Розсмотрѣмъ тꙋтъ сію азбꙋкꙋ

*) Такъ само, ꙗкъ никто изъ ѧзыкослововъ не оуважае особенною или самобытною азбꙋкꙋ годскꙋю, которꙋ въ г. 550 по Р. Х. годскій богословъ Оулфилꙗ начерталъ бꙋква за бꙋквою по образꙋ азбꙋки грече-

близше; а ȣвѣримсѧ въ правдѣ словъ нами сказаныхъ.

Латинскаѧ азбȣка состоитъ ведлѧ найдавнѣйшого складȣ своего изъ слѣдȣющихъ 24 бȣквъ: A, B, C, D (d), E, F, G (g), H (h), I, K, L (l), M, N (n), O, P, Q, R (r), S, T, U, V, X, Y, Z. Тȣтъ зъ изъѧтіемъ трехъ бȣквъ g, h, q, и не много що до формы отмѣненыхъ трехъ D, L, R, всѣ прочіи бȣквы сȣть живцемъ старо-греческіи. Но даже тіи 6 отмѣнніи бȣквы, если розберемъ ихъ точнѣйше, покажȣтсѧ также греческими. Бȣква во g есть заокрȣглене, а h горою поставлене греческое γ (λ=h*); q есть сліѧніемъ греческихъ σ и γ въ однȣ ($\sigma\gamma$=q); D, есть заокрȣглене греческое Δ=D; L, l повстало зъ греческои Λ за отверженіемъ переднёи черты; R есть греческое P съ додаткомъ черты ╲ изъ бокȣ R. Такъ нѣтъ въ латинской азбȣцѣ ни однои собственно латинскои бȣквы.

Що до произношеніѧ нѣкоторыхъ оныхъ бȣквъ, Римлѧне отстȣпили не много отъ Грековъ. То розличіе произношеніѧ состоитъ въ слѣдȣющихъ бȣквахъ:

Греческое:	латинское:
B=б, в,	B=б (всегда);
C=с (σ, ς),	C=ц, к;
F=в,	F=ф;
H=е, і,	H=г (h);
P=р (ϱ); π=п,	P=п; n=н;
X=х,	X=кс, ѯ.

А кромѣ того сдѣлали Римлѧне изъ одной греч. бȣквы Y (υ) длѧ выраженіѧ своихъ звȣковъ ажъ три межи собою розличніи U, V, Y, — который то троѧкій звȣкъ имѣла, ведлѧ розличного своего поставленіѧ въ словѣ, также греческаѧ Y; — такъ ѧкъ изъ двоѧкихъ формъ однои греч. бȣквы с (с, ς) сдѣлали они двѣ

скои. Письмо же такъ зване годско-нѣмецкое произойшло изъ соединеніѧ формъ греческихъ и латинскихъ, и то въ времени до насъ далеко близшомъ. Такъ Греки наȣчили всю Европȣ писати!

*) Великое G есть греческое G, зъ которого Римлѧне, мало измѣнивши, сдѣлали двѣ бȣквы: C и G.

по произношенію цѣлкомъ розличніи c и s, а изъ одной y ажъ три гортанніи согласнѣ g, h, q*).

Изъ обозрѣнія внѣшнёго складȣ латинской азбȣки видимъ, що Римляне, бȣдȣчи и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ вѣрными послѣдователями Грековъ, не напрягали собѣ также тȣтъ ȣма, абы произвести щось нового, самобытного, абы создати дѣло отъ греческого цѣлкомъ отмѣнное. Но мы, познавши недостижимое превосходство греческой азбȣки, должнѣ тȣтъ Римлянъ за то лишь похвалити и откровенно признати, що они въ семъ отношеніи постȣпили весьма благоразȣмно.

Не такъ счастливѣ были Римляне въ наслѣдованіи греческой правописи, котора, якъ извѣстно, ȣмѣла соединити въ стройнȣю цѣлость тіи два превосходніи свойства: докладное словъ и произношеніе и произхожденіе, чего послѣднёго на противъ латинска, за недостаткомъ потребныхъ къ томȣ множанихъ еще знакôвъ, не всегда возмогла осягнȣти. Сію недостаточность своей правописи чȣвствовали саміи ȣже Римляне, и бȣдȣчи ознакомленѣ оразъ съ греческою, возносили тȣю высоко надъ свою, и съ цѣлымъ вольноȣміемъ признавали такъ правописи, якъ и всей словесности греческой первенство и преимȣщество передъ своею. Тожь хотя съ временемъ подбили они сію классическȣю землю; хотя завладѣли надъ всѣми роздроблеными племенами Гелады; хотя владѣли, якъ свѣдчитъ исторія, не всегда съ признаваніемъ правъ и властности греческого народа: но все таки не посмѣли они во все время своего владѣнія ни нарȣшати ни рȣгати произведеній греческого ȣма, тѣмъ меньше же накидати Грекамъ своей азбȣки или правописи. И воистинȣ, дивный то и рѣдкій

---

*) Тіи то нѣкоторіи, бȣдь потребніи, бȣдь даже и вовсе не потребніи, произвольніи измѣненія и перекрȣченья бȣквъ греческихъ подавали и подаютъ нынѣ навѣть многимъ поводъ до совершенного розличенія азбȣки латинской отъ греческой и до нареченія овой первон самобытною, не-греческою. О скôлько то розличеніе справедливо, доказȣе повысшое сровнаніе ажъ надто ясно.

примѣръ въ исторіи: Римляне, сей народъ гордый, властелюбивый, жаждущій всемірнои славы, — тіи Римляне, котори цѣлому полсвѣту накинули свое владѣнье, свôй языкъ, свою азбуку, — тіи Римляне не дерзнули николи навѣть предложити Грекамъ, абы они къ лучшой для римскихъ племенъ выгодѣ закинули греческое письмо, а приняли латинское! Такъ благородно заховалися свѣтовладніи Римляне въ отношеніи къ покореннымъ Грекамъ, бо вѣдь не были они невѣжами въ греческой словесности, и знали цѣнити весь составъ еи такъ внутренній, якъ и внѣшній.

Но вернѣмъ снова къ нашому предмету. Мы ȣпомянули, що латинская правопись не осягнула совершенства греческои, особливо для того, що не была въ состояніи чертати съ належитою точностію въ кождомъ латинскомъ словѣ оразъ его корень или произхожденіе, якъ то чертала въ греческихъ словахъ правопись греческа. Сія послѣдня возмогла дѣлати тое весьма ȣдобно, бо въ еи азбуцѣ находились подобнозвучніи буквы въ двоякой формѣ, якъ то суть на пр. ε, η; ι, ϋ; ο, ω; τ, ϑ; κ, χ, которіи преимущественно служили для видимого розличенія кореней, и которіи всякій Грекъ ȣмѣлъ докладно розличати и ставити въ письмѣ на опредѣленномъ мѣстци. Римляне же зъ изъятіемъ двойного К (c, q) не имѣли въ своеи азбуцѣ того двойственного буквъ розличенія, и въ слѣдствіе того не могли они съ всею точностію ȣдовлетворити другому свойству доброи правописи. Вѣдь бо приняли они азбуку отъ Грековъ, измѣнивши при томъ нѣкоторіи греч. буквы лишь малозначно, а откинувши тіи, которіи для ихъ языка видѣлися непотребными; буквъ же иныхъ, якіи для извѣстнои другои цѣли были бы имъ еще придалися, они не посмѣли ни изъобрѣтати, ни зъ якои инои азбуки заимствовати. Причина того лежала въ семъ обстоятельствѣ, що Римляне не принимали ничого нового отъ иныхъ „варварскихъ“ народовъ, якъ лише отъ просвѣщенной Греціи; а тутъ Греція не могла имъ всего для нихъ потребного дати, — и они не творили сами ничого нового.

Не смотря на тотъ недостатокъ, латинская пра-

вопись выражала принайменѣй произношеніе всякого латинского слова, а выражала тое, о сколько возможно, докладно и весьма просто, невынужденно. Въ правописи древнихъ Римлянъ не найдете чудовищного стеченія множаихъ самогласныхъ или согласныхъ, не найдете въ латинскомъ словѣ больше буквъ, нежели якъ есть потреба, абы тое слово ведля кождои его буквы выговорити. Такъ старо-римская правопись держалась принайменѣй строго сего правила: „пиши такъ, якъ говоришь, и говори такъ, якъ пишешь.“ Оуже черезъ наблюданіе того одного правила была сія правопись для Римлянъ добра, а хотя не совершенна, то по крайнѣй мѣрѣ внѣшнёму выраженію ихъ языка оудовлетворительна.

Не такою однакожь показалась она для иныхъ народôвъ Европы въ то время, коли и тіи, отдѣлившись отъ римскои державы на жизнь самостоятельну, и отсторонуючи мало по малу накиненый имъ языкъ своихъ прежнихъ владѣтелей, стали наконецъ писати родимымъ своимъ словомъ. Пригадаймо собѣ тутъ сіе событіе по сказаніямъ всемірной исторіи:

Еще передъ совершеннымъ паденіемъ полсвѣтовои римскои державы, роздѣлилась таяже за царя Θеодосія (395 по р. Хр.) на два великіи царства: на западно-римское царство, и на восточно-римске или греческое. Въ несполна сто лѣтъ послѣ того роздѣленія пало римское царство; греческое же, хотя многіи столѣтія еще продолжалось, но тратило за кождымъ вѣкомъ на значеніи и власти, и съ кождымъ вѣкомъ клонилося къ такому же оупадку. Не смотря на то, продолжалось духовое, словесное вліяніе отъ сихъ двоихъ державъ на остѣнніи и отдаленніи народы рѣшительно до IX столѣтія, а въ нѣкоторой части оно продолжаеся и донынѣ. Вліяніе то роспространялось отъ Рима на весь западъ, — отъ Греціи на востокъ Европы. Въ IX-омъ и въ первыхъ по немъ слѣдующихъ вѣкахъ начинаютъ оніи Римлянамъ и Грекамъ сусѣдніи народы писати своимъ природнымъ, питомымъ языкомъ. Восточніи Словене, найблизшіи сусѣды Грековъ, составляютъ собѣ въ то время греко-словенскую азбуку, и пишутъ нею священніи книги въ родимомъ словѣ. Яку послугу сдѣ-

лала имъ онаꙗ азбȣка, видѣли мы въ статьи попередней; тȣтъ же постараемсѧ выказати, ꙗкъ постȣпили собѣ тогда западнїи народы, абы своимъ розличнымъ ѧзыкамъ дати выраженїе въ письмѣ, въ книгахъ.

Западно-европейскїи народы принѧли къ той цѣли азбȣкȣ латинскȣ или римскȣ, котора въ оное времѧ, за введенїемъ бȣквъ скорописныхъ, по внѣшнёмȣ видȣ еще бôльше розлнчиласѧ отъ греческой своеи матери. За принѧтїемъ латинскои азбȣки належало подȣмати и о правописи. Тȣтъ встрѣтились всѣ западнїи народы съ великою, непреодолимою трȣдностїю. Живцемъ принѧти римскȣю правопись не могли они оуже зъ той причины, понеже въ латинской азбȣцѣ не было знакôвъ, выражающихъ онїи отмѣннїи звȣки, ꙗкїи собственно находились лишь въ ново-европейскихъ ѧзыкахъ, а ꙗкихъ въ старинномъ ѧзыцѣ Рима вовсе не бывало. Были то именно смѧгченнїи или стверднѣлїи звȣки самогласнїи и согласнїи, ꙗкїи и нынѣ въ ѧзыкахъ оныхъ сȣществȣютъ. Належало застȣпити тотъ недостатокъ латинскои азбȣки ꙗкимъ то средствомъ, абы выразити можь нею и прочїи звȣки отъ латинскихъ отмѣннїи. Изъобрѣтати на то новыхъ бȣквъ или вводити ꙗки инороднїи никто и не подȣмалъ. Неоставало ничого иного, ꙗкъ поддати нѣкоторымъ латинскимъ бȣквамъ отмѣнный звȣкъ, а если и то оказалобысѧ недостаточнымъ, соединити кôлька бȣквъ въ однȣ толпȣ, и тоюже выразити звȣки чȣжїи латинѣ. И такъ воистинȣ сдѣлано. — Но понеже тогда не знано еще всемїрныхъ съѣздовъ, ни европейскихъ конференцїй, которїи могли были отъ всѣхъ западныхъ народôвъ гдесь на одно мѣстце собратись съ тою цѣлїю, абы изъ бȣквъ латинскихъ сотворити такїи правописнїи комбинацїи, которїи имѣли бы выражати онїи розличнїи звȣки, и оразъ завестисѧ ведлѧ потребы оу всѣхъ дотычныхъ такъ соплеменныхъ ꙗкъ и несоплеменныхъ народовъ; — понеже, кажемъ, не было тогда такого благодѣтельного съѣзда: то не дивно, що овїи правописнїи комбинацїи, составлѧемїи тогда оу кождого народа въ особности, безъ согласїꙗ съ племенами дрȣгими, розвились въ розличныхъ краꙗхъ запада въ такой несогласной пестротѣ, о ꙗкой никто нынѣ ани бы подȣмалъ!

Въ слѣдствіе того отъособненного снованія розличныхъ правописныхъ комбинацій на подставѣ буквъ латинскихъ, породилось въ Европѣ—не ведля трехъ головныхъ племенъ (романского, германского и западно-словенского) три особенніи правописи,—но выше надъ двадсять, яко: латинска, италіянска, французска, ишпаньска, португальска, нѣмецка, датчанска, англійска, скандинавска, старо-и ново-чешска, старо-и ново-польска, старо-и ново-хорватска, и южно-словѣнска, мадярска, наконецъ латинско-турецка и пр., зъ которыхъ одна отъ другои значно есть розлична, и зъ которыхъ кожда (изъятно старыхъ западно-словенскихъ) донынѣ еще существуе.

Присмотрюючися тѣмъ розличнымъ правописямъ дивное найдемъ ту явленіе. Смотришь на кожду изъ нихъ, и въ кождой видишь одни и тіиже сами латинскіи буквы. Если знаешь по латинѣ читати, то здаеся тобѣ, що сдолаешь уже читати и по италіянски, по англійски и пр. и пр. Но куда тамъ! Безъ попередней кількомѣсячной науки въ читанью; безъ руководства свѣдущого учителя, которому, особливо для изъученія англійской правописи, мусишь прислухиватись рокъ или навѣть два лѣта; безъ прилѣжныхъ трудивыхъ упражненій, не перечитаешь и пять словъ ведля чистого, природного выговора! И якажь тобѣ корысть зъ того, що знаешь докладно латинскіи буквы, коли съ онымъ знаніемъ не съумѣешь перечитати ни пять французскихъ, англійскихъ словъ, писаныхъ тѣми же буквами? Якая корысть зъ твоихъ знаній въ латинѣ, если для изъученія англійской правописи, составленной на латинской азбуцѣ, потребуешь рокъ, или два лѣта? А сколько времени нужно тобѣ еще, абысь научился читати добре ведля всѣхъ выше помянутыхъ будьто латинскихъ правописей?

Уже тіи вопросы, которыхъ значеніе извѣстне кождому, кто хотя кілька западно-европейскихъ языковъ изъ книжокъ учился, наводятъ насъ мимовольно на мысль, що принорованіе одной и тойже азбуки къ розличнымъ языкамъ, вмѣсто абы книжное ихъ изъученіе улегчити, еще оное утрудняе, особливо же въ томъ случаѣ, если принорованная азбука не подае сама

собою природныхъ средствъ длѧ выраженїꙗ незнаныхъ ей звȣкôвъ. Мы знаемъ, що овыхъ ново-европейскихъ звȣкôвъ не было ни въ греческой азбȣцѣ; мимо того приноровили ю восточнїи Словене до свого письма, однакожь такъ, що длѧ выраженїꙗ не-греческихъ звȣкôвъ не творили изъ тои азбȣки произвольныхъ правописныхъ комбинацій, но просто прибрали къ сей цѣли 14 бȣквъ изъ своеи же древнѣи глагольско-словенской азбȣки. На противъ, западнаꙗ Европа принѧвши латинское письмо запȣстилась, еще въ то давное времѧ, въ выдȣмкȣ многосложныхъ правописныхъ комбинацій, длѧ близшого познанїꙗ которыхъ отсылаемъ Пчт. Читателей до особенныхъ дѣлъ грамматическихъ. Тȣтъ же не можемъ пропȣстити хоть обмеженного осмотрѣнїꙗ тѣхъ знакôвъ, которӥ оуживаютсѧ длѧ выраженїꙗ однихъ и тѣхъ же самыхъ ново-европейскихъ звȣкôвъ.

Чертаѧ въ верхȣ наши поедничїи или весьма просто и природно сложенїи бȣквы ставимъ подъ ними длѧ порôвнательнои цѣли бȣквы латинскїи ведлѧ осми бôльше извѣстныхъ правописей:

Греко-слов.	ж	ц	ч	ш	щ	ль	нь
Итал.	gi [дж]	z	c	sci	[scic]	gli	gn
Франц.	j, g	ts	tch	ch	[chtch]	l	[ni]
Ишпанск.	—	z.	ch	ch, x	—	l, lh	ñ, nh
Нѣм.	—	z, tz	tsch	sch	[schtsch]	li	[nj]
Англ.	g, dj	ts	ch	sh, ti	(shch]	li	[ni]
Чешск.	ž	c	č	š	šč	l'	ň
Польск.	ż	c	cz	sz	szcz	l	ń
Мад.	dzs [дж]	cz	cs	s	[scs]	ly	ny

Въ такій то многоразличный способъ дополнили западно-европейскїи народы недостатокъ принѧтой ними латинскои азбȣки!

Если застановимсѧ надъ тою правописною пестротою, если возьмемъ къ томȣ въ оуваженіе, що навѣть звȣки, сȣществовавшїи въ старо-римскомъ и ново-европейскихъ ѧзыкахъ, прибрали тȣтъ значеніе, цѣлкомъ противное томȣ, ꙗке они имѣли въ азбȣцѣ латинской, ꙗкъ то на пр. бȣквы g и j, c и z; если замѣтимъ, що греческа бȣк-

ва К, общаи всѣмъ европейскимъ языкамъ, застѹплена ведлѧ тѣхъ розличныхъ правописей, и то бôльшою частію безъ потребы; иными бѹквами, яко: c, ch, q, qu, k, kh, g, x; если скажемъ, що подобніи измѣненіи сдѣлано и съ лат. звѹками самогласными, такожь заровно общими старымъ и новымъ европейскимъ языкамъ;— если все тое возьмемъ на оуvагѹ, то прійдемъ тѹ до заключеній, майже непріязныхъ латинской азбѹцѣ.

Она во латинская азбѹка, даръ старинной Греціи, сама по собѣ добра есть, и доброю была для Римлянъ; но отъ времени, коли завелась и оу прочихъ народовъ западнои Европы, произвела, по своимъ недостаткѹ, крайнѣе замѣшательство, весьма невыгодное для взаимныхъ отношеній и общого порозѹмѣнія народовъ по части ихъ словесной.

Извѣстно, що въ новѣйшомъ времени, отзывались оуже не разъ голосы, особливо въ Франціи и Нѣмеччинѣ, стремящіи къ томѹ, абы на подставѣ бѹквъ латинскихъ составити новѹ правопись, общѹ и однообразнѹ для всей западной Европы. Но тіи голосы нынѣ оумолкли; — и все тамъ остае несогласно, по старомѹ. И донынѣ пишѹтъ Францѹзы: eau, а вымовляютъ: о (вода); пишѹтъ fois, genou, gueule, daigner, aujourd'hui, а вымовляютъ: фоа, жнѹ, ґель, деньe, ожѹрдвй; донынѣ пишѹтъ Англичане: enaugh, psyche, is, nation, а вымовляютъ: инаф, сайки, айс, нешьн. Воистинѹ, оуже изъ тѣхъ примѣрôвъ можно бы поставити, особливо для англійской правописи, сіе нелѣпое правило, нашомѹ и вообще здоровомѹ розѹмѹ цѣлкомъ противное: „пиши иначе, нежели говоришь, а говори иначе, нежели пишешь!“

Но меньша тамъ о правописи чѹжихъ, отдаленныхъ отъ насъ народовъ; намъ бôльше ходитъ нынѣ о осѹжденіе правописи нашихъ соплеменникôвъ и сѹсѣдъ, — Читатели сами догадаются, для чого. — Дѹмаемъ тѹтъ именно на правописи польскѹ, чешскѹ и мадярскѹ.

Всѣ тіи три правописи, основаній на латинской азбѹцѣ, маютъ особеннѹю исторію свого розвитія, и рѣшительно роспадаются на два отмѣнніи дѣлы: на старѹ и на новѹю. Старая правопись такъ Чеховъ, якъ Поляковъ и Мадяровъ розвивалась подъ вліяніемъ ста-

ро-нѣмецкои, и зъ той причины имѣла много примѣтъ съ оною сходныхъ. Такъ на пр. бȣква с звȣчала во всѣхъ трехъ реченыхъ правописѧхъ часто ꙗкъ к; sz=с; cz=ц; cs, css=ч; s, ss,=ш; g=й; gg=д; ll=л; v, f,=в и пр., ꙗкъ о томъ всемъ можно поȣчитись изъ старыхъ чешскихъ, польскихъ и мадѧрскихъ памѧтниковъ, и ꙗкъ то нѣкоторое видѣти можно въ новой мадѧрской правописи, котора где що изъ сихъ примѣтъ донынѣ сохранила. Такъ видимъ, що старіи правописи нашихъ западныхъ и южныхъ сȣсѣдъ стоꙗли съ собою въ близкомъ соотношеніи, и давный Полѧкъ мôгъ довольно легко читати оразъ чешскȣ и мадѧрскȣ книгȣ ведлѧ настоѧщого произношеніꙗ; во находилъ тамъ длѧ нововропейскихъ звȣкôвъ майже тіи саміи правописніи комбинаціи, ꙗкіи были въ книгахъ старо-польскихъ. Иначе то сталось въ позднѣйшомъ времени, коли ȣ оныхъ трехъ народôвъ заводилсѧ новый способъ правописаніꙗ. Примѣты, которіи по старой правописи были длѧ трехъ ѧзыковъ сходніи, майже єднаки, перемѣнила новаꙗ правопись въ три значно отъ себе отмѣнніи формы, такъ, що нынѣ чешскаꙗ правопись рѣшительно розличаєсѧ отъ польской, польска отъ мадѧрской.

Въ сравнительной правописной таблицѣ, наведеной нами повыше, показано ȣже то розличіє, ꙗке въ выраженіи шести звȣковъ по правописи чешской, польской и мадѧрской нынѣ заходитъ; тȣтъ приведемъ еще нѣкоторіи иніи бȣквальніи свойства, ꙗкіи однȣ изъ тѣхъ правописей отъ дрȣгои розличаютъ. Длѧ лȣчшого поꙗсненіꙗ приведемъ тȣ нѣкоторіи наши твердіи согласніи въ соединеніи съ ꙗкою ȣмѧгченною самогласною (на пр. ꙗ), и оразъ кôлька старо-словенскихъ звȣковъ; и такъ пишесѧ:

слов.	дꙗ,	лꙗ,	мꙗ,	нꙗ,	тꙗ,	зь,	сь,	рь,	ѣ,	ѫ,	[ѻ]
чешск.	dja,	lja,	mja,	ňa,	tja(t'a),	zj,	sj,	ř,	ě,	ou, ů,	ů
польск.	dia,	ła,	mia,	nia,	tia,	ź,	ś,	rz,	je, ie,	ą,	ó, u
мад.	gya,	lya,	mya,	nya,	tya	—	—	—	é,	om,	—

Изъ того порôвнаніꙗ видимъ, що длѧ смѧгченіꙗ звȣкôвъ ȣживає кожда изъ трехъ бȣпоманȣтыхъ пра-

вописей значно отмѣннїи бѹквъ соединенїя; що одна преимѹщественно бере къ томѹ бѹквѹ ј, дрѹга і, третья у, которїи то 3 бѹквы, оуже по настоящомѹ ихъ значенїю, рѣшительно отъ себе сѹть розличнїи. Не приводимъ тѹтъ еще бôльше иныхъ примѣтъ правописного розличїя, бо то завело бы насъ въ толки, надто сторонннїи, а мы ради бы здѣсь еще о своемъ дѣлѣ говорити, именно же доказати неѹдобность латинской азбѹки къ письменности рѹской.

Хотя бо образованнїи Рѹсины, такъ галицкїи, якъ и оугорскїи, пишѹчи нынѣ своимъ роднымъ рѹскимъ языкомъ, оуживаютъ къ томѹ единственно своеи словено-рѹской азбѹки: то однакожъ они, яко добрїи сѹсѣды наѹчились оуже изъ давна читати письма польскїи и мадярскїи; и такъ именно галицкїи Рѹсины познакомились изъ давна съ правописїю польскою, оугорскїи съ мадярскою, а нѣкоторе малое число изъ нихъ также съ провописїю чешскою и чешско-словацкою. Очевидно, никто розѹмный не стане отъ нихъ вымагати, абы они едино для того, що сїе знанїе по доброй волѣ собѣ присвоили, такожъ писати стали рѹскїи свои дѣла правописїю польскою, или мадярскою, или же чешскою. Подобное желанїе, абы было яко тако основательно и не цѣлкомъ безрозсѹдно, должно бы стояти на иныхъ подставахъ и мотивахъ, о якихъ въ самой рѣчи говорити бѹдемъ въ статьи нашой III-ой. Тѹтъ лишь оупомянемъ, що воистинѹ писали оуже нѣкоторїи галицкїи Рѹсины поменьшїи рѹскїи сочиненїя свои латинскими бѹквами ведля правописи польской, и оразъ замѣчаемъ, що на противъ Рѹсины оугорскїи до подобныхъ пробъ съ правописїю мадярскою николи и не прїймалися.

Но приступѣмъ къ нашомѹ предметѹ. Мы кажемъ: латинская азбѹка къ письменности рѹской неѹдобна; а неѹдобна для того, понеже во первыхъ: въ латинской азбѹцѣ не достаютъ знаки для звѹкôвъ ново-европейскихъ, именно звѹкôвъ рѹско-словенскихъ; во вторыхъ: въ ней нѣтъ по кôлька знакôвъ на звѹки до себе вправдѣ подобнїи, но по кореню словъ значно отъ себе розличнїи. Первый недостатокъ недозволяе намъ писати такъ, якъ говоримъ; дрѹгїй не дасть намъ вы-

разити словенского словъ рȣскихъ произхожденіꙗ. Сїꙗ же азбȣка не ȣ̂добна длѧ насъ ни даже ведлѧ польской, мадѧрской или чешской правописи, которіи всѣ три хотѧ и маютъ бôльшȣ часть оныхъ знакôвъ, многосложно и искȣственно составленныхъ: но все таки не подаютъ намъ ніꙗкой способности соединити выговоръ рȣскихъ словъ съ ихъ произхожденіемъ, а въ слѣдствіе того не дозволѧютъ розличати въ письмѣ нѣкоторіи слова наши подобнозвȣчніи, а значеніемъ часто отъ себе отмѣнніи.

Длѧ выказаніꙗ того въ примѣрахъ розсмотрѣмъ ꙗкое бȣдь предложеніе, писанное ведлѧ сихъ пѧти правописей: словено-рȣской, латинской, польской, мадѧрской и чешской, — ото на пр. пишемъ:

Щастливъ человѣкъ, не дôзнавшій нȣжды ôтъ дѣтиньства.
—ast—yv —e—ovic, ne diznav—ij nu-d- vit d—ty—stva.
szczastływ czełowik, ne diznawszyj nużdy wit d(ji)tyństwa.
(scs)aszt(ll)-v cse(ll)ovik, ne diznavsij nu-d- witt gyit-nysztva.
ščast—yv če—ovik, ne diznavšij nužd— vit d'ityňstva.

Изъ сихъ примѣровъ ꙗвствȣе во первыхъ: що словено-рȣскаꙗ правопись не тôлько выражае ꙗкъ найточнѣйше словъ нашихъ произношеніе, но розличае оразъ выговоромъ подобніи, а коренним значеніемъ отъ себе отмѣнніи звȣки, ꙗкъ то: і, ô отъ ѣ; и отъ ы; или еще въ иныхъ примѣрахъ ê, и отъ ѣ; ё отъ іо, ьо; ѧ отъ ꙗ. Во вторыхъ: що въ латинской правописи нѣтъ рѣшительно бȣквъ длѧ звȣкôвъ рȣскихъ, вмѣсто которыхъ (щ, л, ч, ш, ѣ, нь), мы въ нашомъ примѣрѣ поставили черточки. Въ третьихъ: що даже троꙗкою правописію нашихъ сȣсѣдъ не выразимъ докладно ни выговора, ни тѣмъ меньше коренѧ нашихъ словъ, и то именно польскою не изъобразимъ ніꙗкъ звȣка дѣ (дѣтинство), который и произношеніемъ значно розличаесь отъ звȣка дô (дôзнати); мадѧрскою не напишемъ докладно нашого щ, л, — а вовсе не выразимъ нашого ж, и, ы; наконецъ навѣть и чешскою не отдамо звȣка твердого л и ы, ибо тотъ послѣдній звȣчитъ ȣ̂ Чеховъ мѧгче, подобнѣйше нашомȣ и или і.

Кромѣ того ȣ̂же изъ наведенныхъ примѣровъ ꙗв-

ствѹе, що ни одна изъ сихъ 4 латинско-бѹквенныхъ правописей не подае намъ средствъ къ розличенію звѹковъ подобныхъ, но коренемъ отмѣнныхъ. Такъ на пр. для звѹко̂въ нашихъ і, и̂, ѣ, о̂, е̂, они не маютъ инои бѹквы якъ однѹ і, и въ слѣдствіе того ніякъ не розличатъ на пр. 5 овыхъ ровнозвѹчныхъ но по значенію отмѣнныхъсловъ рѹскихъ, яко: міръ (свѣтъ), миръ (спокой), мѣръ (мѣра), мѣрь (мѣрити), мо̂ръ (помо̂ръ, джѹма), — а напишѹтъ всѣ тіи 5 слова еднако, въ одинъ лише спосо̂бъ: mir. Правда, що той одинъ спосо̂бъ выдастся по формѣ бо̂льше поединчій, простѣйшій; однакожь, що намъ изъ той простоты, если мы съ нею не розберемъ иногда смысла якого писанія, въ которомъ одно слово mir имѣти бѹде пятиракое значеніе? А такихъ словъ подобнозвѹчныхъ, но по значенію отмѣнныхъ, есть якъ извѣстно, въ языцѣ нашо̂мъ бо̂льше, и мы есьмо въ состояніи посредствомъ нашой словенорѹской правописи всѣ такіи слова одно отъ дрѹгого рѣшительно розличати. А о̂уже въ томъ одномъ обстоятельствѣ состоитъ великое преимѹщество нашои правописи.

Къ томѹ же скажемъ, що ни одна извѣстная намъ латинско-европейская правопись не выразитъ докладно звѹка и оразъ значенія нашои словенскои ѣ, и не розличитъ ніякъ звѹка и значенія бѹквы И отъ ы ведля нашого произношенія. Бѹквы ѣ не застѹпитъ ни польское jé, которое бо̂льше соотвѣтно нашомѹ е̂; не застѹпитъ и чешское ě, которое чисто звѹчитъ, якъ е=je. Кромѣ того не дастся ніякимъ лат. письмомъ выразити оное смягченіе, якое сія бѹква ѣ ведля нашого выговора въ предъидѹщихъ передъ собою согласныхъ производитъ; а вѣдь то смягченіе бывае о̂у насъ двоякое, иное на пр. въ словахъ: сѣсти, вѣдати (ś(ji)sty, w(ji)daty), а иное въ словахъ: съѣсти, въѣдатися (sj(ji)sty, wj(ji)datysia (!). — Такъ само невозможно латинскою азбѹкою застѹпити въ розличительный спосо̂бъ нашихъ звѹко̂въ И и ы, которіи хотя въ бо̂льшой части Галичины произносятся майже еднако, именно якъ открыте польское y; но въ многихъ словахъ даже про̂изношеніемъ розличаются, на пр. бѹква И звѹчитъ на подобіе тонкого ї

въ частицахъ рѣчи: и, ни, или никто никогда николи, или въ словахъ: истина, инокъ икона, имя, идти, и прочихъ, тою буквою начинающихся. Къ тому же, чѣмъ больше приближимся къ Карпатамъ, или станемъ межи Русинами земли угорской, тѣмъ явнѣйше розличимо тамъ постепенно умягчаемый звукъ буквы и отъ грубого ы, ажь услышимъ и таке ихъ произношеніе, яке было въ языцѣ старословенскомъ.

А тіи-то особливо три буквы ѣ, и, ы, мають въ нашой правописи кромѣ того еще одно великое назначеніе; именно служатъ они по при колькохъ иныхъ подобнозвучащихъ буквахъ къ докладному розличенію кореня въ словахъ. Не будемъ тутъ розводитись надъ тѣмъ, якіи преимущества мае сія правопись, котора есть въ состояніи, навѣть помимо ровногласного звука словъ, выразити корень т. е. само ядро, само существо всякого слова. Мы сказали, що изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ правописей суть только двѣ, которіи въ цѣлой полнотѣ отличаются онымъ преимуществомъ, тіи двѣ правописи суть: греческа и греко-словенская. Якъ древній Грекъ умѣлъ розличати свой корень φιλ(φίλον-любимое) отъ кореня φυλ(φῦλον-племя), или корени: τελ(τέλος-конецъ), τηλ(τηλόσ'-далеко), θελ(θέλω-хочу), θηλ(θηλῶ-цвѣту); σο(σόος-возмущеніе), σω(σῶος-живый, спасенный) и пр.; якъ древній Грекъ николи въ письмѣ не замѣнилъ одно изъ тѣхъ словъ другимъ подобнозвучащимъ, но отличалъ кождое видимымъ знакомъ отмѣнной по кореню буквы: такъ зналъ и дравній Словенинъ, а за нимъ и всякій Русинъ донынѣ знае розличати особенными буквами подобнозвучніи слова яко: міръ, миръ, мѣръ; долъ, дѣлъ; мѣль (мѣлкое мѣстце), моль (червь); мило, мыло; било, было; или же женка, обжинка; конь, кинь, и пр. Такого докладного начертанія и произношенія и кореней въ словахъ рускихъ не подасть намъ ніяка ина правопись, только одна наша словено-руска, котора само ядро, само существо всякого слова изъображае въ превобытно-словенской формѣ такъ точно, якъ тое изъображала греческа въ словахъ греческихъ. Наши три старинно-словенскіи буквы ѣ,-ы,-я, которій мають свое извѣстное подобіе и оразъ розличіе

въ противоположныхъ бвквахъ: ї, й, ô, ê,— и, — ѩ, свть такъ въ азбвцѣ нашой важни, ѩкъ важни были въ азбвцѣ греч. овїи три природно-греческїи бвквы: υ,-η,-ω, имѣвшїи такое же подобїе и оразъ розличїе въ бвквахъ ι,—ϵ,—o. Съ помочїю сихъ бвквъ мы въ состоѩнїи, ѩкъ и Греки, соединити два великїи доброй правописи преимвщества, с. е. точное словъ произношенїе и оразъ коренное ихъ произхожденїе. Инои еще азбвки, котора бы имѣла въ такой полнотѣ овїи два преимвщества, мы въ Европѣ не знаемъ.

Твтъ не можемъ пропвстити еще одного важного обстоѩтельства, которое такожь доведе истинв нашого твержденїѩ: що латинскаѩ азбвка къ рвскомв письмв неVдобна. Двмаемъ тв о нѣкоторыхъ отмѣнахъ, на ѩкїи, властиво не ѧзыкъ, но выговоръ рвскїй оу насъ роспадаесѧ. Тїи измѣненїѩ выговорв состоѧтъ вправдѣ въ маломъ лише числѣ зввковъ, но произведвтъ великое розличїе въ письмѣ и не мале замѣшательство въ книжной словесности нашой, если попробвемъ ихъ чертати бвквами латинскими. Приведемъ твтъ снова ѩкїй примѣръ, оудоволѧючись самымъ лишь приточенїемъ нѣсколькихъ словъ. Ото пишемъ нынѣ въ цѣлой австрїйской Рвси нашою правописїю еднако слѣдвющїи слова: кôнь, рôкъ, бôль, вôлъ, дôстати, ôтдати; мило, ходити, мыти, зима; — а межи тѣмъ если тѣ слова схочемъ выразити правописїю польскою, то належитъ ведлѧ выговорв галицкого писати: kiń, rik, bil, wił, distaty, witdaty; myło, chodyty, myty, zyma; ведлѧ произношенїѩ подъ-Карпатскихъ Рвсинôвъ: kyń ryk, byl, wył, dystaty, wytdaty; а по выговорв Рвси оугорской: kuń, ruk, bul, wuł, dustaty, wutdaty; miło, choditi, myti, zima. Твтъ маемъ ѩвное розличїе въ письмѣ, произшедшое едино ôтъ троѩкого способв произношенїѩ одной и тойже бвквы ô, и ôтъ двоѩкого бвквы и. А кромѣ того польскаѩ правопись изгладила твтъ совершенно коренное словъ рвскихъ начертанїе, ѩке содержалось въ бвквахъ ô, и ведлѧ слокено-рвской привописи. Бѣдь бо въ оной послѣднѣй ничого не вредитъ Рвсинамъ ни галицкимъ, ни оугорскимъ, що тїи двѣ бвквы ведлѧ областныхъ нарѣчїй иначе произносѧтсѧ; сїе бо

отмѣнное произношенїе въ одномъ и томъ же нарѣчіи привязано къ одной и тойже буквѣ постоянно такъ, що Галичане выговорюютъ букву ô весегда якъ і или о; Русины подъ-Карпатскїи всегда якъ ы или о; Оугорскїи же всегда якъ ү или о; при томъ однакожь одно и тоеже слово стоитъ для нихъ всѣхъ написано въ тойже самой формѣ словено-руской, котора такимъ дѣломъ вяже ихъ всѣхъ въ одно моло-руское племя, а соединяючи ихъ областніи нарѣчія въ одинъ языкъ книжный, производитъ одну для всѣхъ словесность.

Напротивъ же, латинская азбука, приноровлена къ письменности руской ведля которой нибудь западно-европейской правописи, производитъ тутъ не только велике замѣшательство, но оразъ несогласіе и роздвоеніе въ одноплеменной братіи. И скажемъ правду, що хотя бы мы избрали къ той цѣли яко найлучшу изъ правописей латинскихъ, якою безъ запереченія есть правопись чешска; хотя бы мы яковіи ей недостатки, послѣ еклектического буквъ добиранія, выполнили буквами отъ другихъ занятыми: то все таки не заступимо ніякою правописію въ свѣтѣ нашихъ коренныхъ ѣ, и, ы, ô, съ такою точностію, абы они разомъ выражали докладно и мало-рускій звукъ, и оразъ въ письмѣ не дѣлали роздвоенія малорускихъ нарѣчій. О томъ мы оувѣрені такъ глубоко, що готові есмо идти о закладъ даже съ якимъ найпроворнѣйшимъ изъобрѣтателемъ правописныхъ комбинацій.

Такъ думаемъ, що въ приведенныхъ повыше примѣрахъ мы достаточно довели неудобность латинской азбуки въ письменности руской. Я о тое именно ходило намъ въ сей статьи II-ой.

Остае намъ говорити еще о нѣкоторыхъ голосахъ, противныхъ нашой словено-руской азбуцѣ, а стремящихъ къ тому, абы мы сію азбуку латинскою замѣнили. О томъ побесѣдуемъ въ статьи нашого розсужденія III-ей и послѣдней.

——◇◇——

III.

Мы ȣже разъ сказали, ꙗко не смотрѧ на то, що Римлѧне пôдбили пôдъ свое владѣнье всю греческȣю землю, и въ своей гордости накидали всѣмъ подбитымъ племенамъ свой ѧзыкъ, свою азбȣкȣ, сіи Римлѧне сдѣлали изъѧтіе отъ свого способȣ постȣпанія едино въ отношеніи къ Грекамъ: Бо все долголѣтное времѧ свого владѣньꙗ надъ Греками, они оказывали особеннȣю благосклонность къ словесности греческой; во все то времѧ не озвалсѧ ни одинъ римскій голосъ, противный письмȣ Грекôвъ, или же совѣтȣющій имъ хотѣвы замѣнити ихъ греческое письмо римско-латинскимъ. Мы оразъ сказали, що головною причиною томȣ ȣ Римлѧнъ было: ихъ знаніе греческой словесности, которое ȣвѣрило ихъ о великомъ преимȣществѣ греч. азбȣки и греч. правописи. Римлѧне не лѣнились сію азбȣкȣ близше познати, а познавши пользȣ и значеніе ей въ письменности греческой не находили причины противȣ ней голосъ свой подносити.

Мы дȣмаемъ, що если бы и за нашихъ временъ ȣважалась сіꙗ римскаꙗ свободоȣмнаꙗ терпимость, основанна на близшомъ рѣчи познаніи: мы не имѣли бы причины на оборонȣ нашого письма такъ много словъ и времени нынѣ тратити. Но къ сожалѣнію, дѣло стоитъ нынѣ ȣ насъ иначе. За давныхъ бо временъ зналъ греческое письмо не тôлько настоѧщій Грекъ, но радо познакомлѧлсѧ съ нимъ и кождый свѣтлый сȣсѣдъ Грека; наше же рȣское письмо на противъ не тôлько весьма мало извѣстне свѣтлымъ сȣсѣдамъ нашимъ, но даже не докладно понѧте и оцѣнене отъ самыхъ же нѣкоторыхъ Рȣсинôвъ!

Правда, що межи старо-греческою а нашою мало-рȣскою литератȣрою есть майже таке розличіе, ꙗкъ межи небомъ а чистилищемъ: однакожь межь азбȣками сихъ

двоихъ словесностей нѣтъ вовсе такого розличія, а на противъ есть въ нихъ якъ найблизше подобіе такъ що до внѣшнёго ихъ складꙋ, якъ и що до внꙋтреннёго ихъ преимꙋщества. Такъ греческа, якъ и наша словенорꙋская азбꙋка мае свои природніи, высокоцѣнніи свойства, которіи ставятъ ихъ до рядꙋ первыхъ въ Европѣ, и которіи не дадꙋтся для нихъ замѣнити ніякимъ инымъ письмомъ цѣлой Европы. Кто сіи свойства азбꙋкъ реченныхъ розсмотривалъ оуважно, на основаніи языкословнои наꙋки: тотъ не заперечитъ правды, повышь нами сказанной. Противное може говорити лише той, кто сихъ азбꙋкъ и ихъ содержанія — не знае.

Я не знающихъ, якъ же то ꙋ насъ не мало! — Тіи то незнающіи, или нашꙋ азбꙋкꙋ лишь мало знающіи люди подносятъ свой голосъ противꙋ неи при кождой способности, коли лишь сойдꙋтся съ оными братьми соплеменными, которіи еи цѣнꙋ знаютъ, нею пишꙋтъ и ю отъ всякого нападꙋ боронятъ. Очевидно, голосы тіи рѣдко подносятся съ цѣлою явностію, въ письмахъ и сочиненіяхъ пꙋбличныхъ; бо, якъ всяке недоспѣлое насѣнье, такъ и они не смѣютъ добытись на сіяніе божого свѣтла. Но мимо того маемъ и нынѣ доказательства, именно въ появленіи „mało-ruskich poezyj L. E. W.“, що голосы такіи въ нашомъ отечествѣ еще сꙋществꙋютъ, и сꙋществꙋютъ не безъ дѣйствительныхъ вліяній, не безъ вреда для нашой словесности.

Якъ недавно выстꙋпили мы на иномъ мѣстци противъ цѣломꙋ складꙋ языка и поезій Папа Я. Е. Б.: такъ ставемъ нынѣ противъ всемꙋ стремленію, яке за латинскими бꙋквами его дѣла скрываеся, не ꙋважая вовсе на то, чи подобное стремленіе произойшло изъ его стороны съ сознаніемъ или безъ сознанія. Я выстꙋпаемъ тꙋ съ цѣлымъ ꙋмѣреніемъ рꙋскихъ нашихъ чꙋвствъ, съ отстороненіемъ всякого пристрастія; но замѣтимъ оразъ, що говорити бꙋдемъ откровенно, явно, такъ, якъ то кождомꙋ оу насъ и по приличію и по правамъ соизволено, и що при томъ не скрыемъ нашого добросовѣстного мнѣнія по за слова или по за бꙋквы.

Такъ кажемъ въ голосъ, що стремленіе, абы за-

вести оу насъ вмѣсто словено-рускои латинскую азбуку, есть противународное: бо розрывае теперѣшнее житье нашого народа съ житьемъ его прошедшимъ, тревавшимъ лѣтъ около тысяча; бо производитъ неизбѣжимое роздвоеніе а оразъ паденіе отживщой нашой словесности, котора вѣдь тôлько на подставѣ руской азбуки есть общою, еднолитою для Русиновъ такъ галицкихъ, якъ подъ-Карпатскихъ, якъ и оугорскихъ. Доказательства на тое, опертіи на основаніи науки, сложили мы въ двоихъ статьяхъ попереднихъ; тутъ слѣдуе еще отвѣтити на тіи возраженія и мотивы, на якихъ розвиваесь стремленіе къ заведенію въ письмѣ рускомъ латинской азбуки.

Ото говорятъ намъ: Оупотребленіе латинскои азбуки есть доказательствомъ европейского поступу, ибо весь просвѣщенный западъ Европы пише исключно тôлько нею; и навѣть Нѣмцы, которіи до недавного часу писали отмѣннымъ нѣмецко-латинскимъ почеркомъ, печатаютъ нынѣ оученіи свои сочиненія буквами латинскими. — Отвѣчаемъ на тое: Пôдъ поступомъ европейскимъ, якъ вообще пôдъ поступомъ всего человѣчества, мы не розумѣемъ даръ слѣпого послѣдованія, охоту къ подражанію модѣ, но стремленіе къ лучшому познаванію правды. Оученіи Нѣмцы пріймаютъ латинскіи буквы, и пріймаютъ не новость; бо вѣдь ихъ же нѣмецко-латинска азбука есть въ сущесткѣ своемъ сама оуже латинскою, и оу нихъ не измѣняеся тѣмъ нѣмецкая правопись, а тôлько внѣшняя форма буквъ и такъ оуже до себе подобныхъ. Оу насъ же съ тѣмъ дѣломъ стоитъ иначе. Съ принятіемъ латинскои азбуки вводится оу насъ новость, въ руской литературѣ черезъ выше девяти сотъ лѣтъ ажь до новѣйшихъ временъ вовсе неизвѣстна; къ тому же розрушаеся цѣлый складъ правописи, созданный и сохраняемый вѣками. Се для словесности нашой не поступъ, но погибель!

Кажутъ намъ: Со знаніемъ латинскои азбуки отвераеся намъ приступъ до всякой западно-европейской литературы, котора вся оуживае лишь латинского письма, а въ чудніи плоды оума такъ дуже есть богата. —Отвѣтъ на тое заключаеся въ поровна-

тельной таблицѣ западно-европейскихъ правописей; сїꙗ таблицѧ найлѣчше скаже, ꙗкъ то легко при помочи латинского письма читати по италїꙗнски, по французски, по англїйски и пр. Писатель тѣхъ строкъ замѣтитъ лишь при сей способности, що онъ наȣчилсѧ читати еврейскїи книжки, писаннїи совсѣмъ чȣжими длѧ него бȣквами еврейскими, въ продолженїи одной недѣли; англїйскїи же дѣла, печатаннїи извѣстными емȣ докладно бȣквами, оучилсѧ читати два лѣта, — и, не грѣхъ признатись, даже нынѣ еще не добре по англїйски читае*). Тоеже замѣчалъ онъ зъ досвѣдченїꙗ такожь оу дрȣгихъ, и длѧ того пытае: ꙗкїй тȣ съ латинскою азбȣкою загальный пристȣпъ, ꙗке тȣ оулегченїе?

Кажȣтъ дальше такъ: Если бы Рȣсины принѧли письмо латинское, было бы се съ великою корыстїю и длѧ ихъ сȣсѣдъ-соплеменниковъ, письмо тое оуживающихъ; ибо тїи розȣмѣютъ легко бесѣдȣ Рȣсиновъ, однакъ не знаючи ихъ азбȣки, не могȣтъ сочиненій ихъ читати. — Отвѣчати на тое противъ нашимъ соплеменникамъ приходитъ намъ дȣже прикро; бо вѣдь все таки они намъ соплеменники! Я ꙗко такїи, чижь не маютъ они длѧ насъ того добросердного сочȣвствїꙗ, ꙗкое словесность ихъ оу насъ давно имѣла и нынѣ все еще имѣе? Сънемалою болестїю приходитъ намъ вызнати, що коли наши рȣскїи писатели такъ часто вспоминали и вспоминаютъ въ письмахъ своихъ о розвиванїи и оуспѣхахъ словесности сȣсѣдъ соплеменныхъ, тїи по-

---

*) Кто оучилсѧ англїйского ѧзыка, той навѣрно знае, що не такъ дȣже трȣдно наȣчитисѧ чȣжинцȣ по англїйски говорити; читати же или писати надзвычайно тѧжко. Англїйска бо правопись не дастсѧ подтѧгнȣти подъ нїꙗкїи общїи правила; длѧ кождого майже слова сȣществȣе своꙗ особнаꙗ форма, котора иногда съ настоѧщїимъ выговоромъ бȣквъ не мае нїꙗкой свѧзи. Въ англїйскомъ письмѣ нѣтъ такого правила, ꙗкъ на пр. въ нашомъ, при оученїи которого кажемъ: тȣю бȣквȣ произноси постоꙗнно такъ, а сїю всегда лишь такъ; оу Англичанъ на противъ произноситсѧ одна и таꙗже бȣква въ троꙗкїй, четверакїй и даже въ пѧтеракїй (ꙗкъ то бȣква: a) розличный спосôбъ. Инїи же бȣквы, именно нѣкоторїи согласнїи, хотѧ въ словѣ пишȣтсѧ, но вовсе не произносѧтсѧ при читанїи. Ближше о томъ поȣчае всѧка англїйскаꙗ грамматика.

слѣднiи не вспомнȣтъ о нашихъ заслȣженныхъ мȣжахъ
наȣки ни однимъ майже словомъ, а о нашой словесно-
сти заховȣютъ постоꙗнное, же такъ скажемъ, прене-
врегательное молчанiе, ꙗкъ бы таꙗ вовсе не сȣществова-
ла. Се не взаимность, о ꙗкой мечталъ любимецъ сло-
венщины, Колѧръ! — Такъ ли то трȣдно присвоити зна-
нiю наше письмо, состоѧщое изъ 24 бȣквъ греческихъ,
извѣстныхъ всѧкомȣ, кто былъ хоть въ III-ой гимна-
зiальной клѧсѣ, — и содержачое лишь около 14 бȣквъ
отмѣнныхъ, которiи за однȣ годинȣ легко можь наȣчи-
тисѧ! Бѣдай въ томъ изъȣченiи имѣли бы мы до-
казъ оной взаимности, ꙗкаꙗ намъ отъ сȣсѣдъ нашихъ
оуже по самой чести и по справедливости належитсѧ! —
Изъ сихъ возраженiй нашихъ видно, що намъ прикро
было о томъ и говорити!

Кажȣтъ еще дальше: Латинскими бȣквами писали
оуже навѣть нѣкоторiи извѣстнiи Рȣсины, ꙗкъ Тимко
Подȣра, Вацлавъ изъ Олеска, I. Лозиньскiй,
I. Левицкiй*), Вагилевичъ, а теперь и Венґлиньскiй;
къ томȣ же и самъ найзнакомитшiй ѧзыкословъ сло-
венскiй, Г. Пр. Миклосичъ, писалъ недавно въ своей
порôвнательной грамматицѣ мало-рȣскiи слова бȣквами
латинскими. Подвиги сихъ мȣжей повиннû бы слȣжи-
ти примѣромъ длѧ всѣхъ Рȣсинôвъ. — Отвѣчаемъ
на тое: Тимко Падȣра и В. изъ Олеска писали единствен-
но въ пользȣ соплеменникôвъ польскихъ, которыхъ,
именно той послѣднiй, хотѣлъ позпакомити съ народ-
ными пѣснѧми Рȣси. Такъ они два, ꙗкъ и два иннiи
наши заслȣженнiи ѧзыкословы, I. Лозиньскiй и I. Леви-
цкiй писали кôлька поменьшихъ сочиненiй рȣскихъ ла-
тинскою азбȣкою еще передъ 1848 годомъ. Времѧ то
есть длѧ насъ Рȣсинôвъ, которiи зъ тѣхъ поръ въ
словесности значнiи сдѣлали оуспѣхи, дȣже давное; а къ
томȣ отъ оного памѧтного года, пишȣтъ послѣднiи
два мȣжи, которiи на благо нашой словесности годъ той
пережили, рȣскiи свои сочиненiꙗ лишь рȣскою азбȣкою. Я

*) Знаемъ лишь о одномъ стихȣ I. Левицкого, печатанномъ подъ загла-
вiемъ: Car dubów iz Getoho въ давныхъ польскихъ Rozmaitościach.

И. Вагилевичъ писалъ, ꙗкъ извѣстно, въ самомъ же 1848 годȣ бȣквами рȣскими, а тôлько перепечатывалъ то само длѧ польскихъ читателей особно письмомъ латинскимъ по правописи польской; впрочемъ предпріѧтіє єго сȣществовало ледва черезъ мѣсѧцъ. И онъ, о скôлько знаємъ, писалъ потомъ рȣскіи свои произведеніꙗ азбȣкою тôлько рȣскою. Що же до Г. Венґлиньского, писателѧ мало еще извѣстного, который одинъ изъ всѣхъ Рȣсинôвъ печаталъ оуже послѣ 1848 года малорȣсков свое дѣло бȣквами латинскими, то маємъ позволеніє Читателѧмъ нашимъ донести, що тойже Г. В. прислалъ черезъ рȣки одного знакомитого Рȣсина кôлька своихъ поезій къ Пчт. Редакціи „Вѣстника", длѧ помѣщеніꙗ ихъ въ „Сборникȣ", печатающомсѧ бȣквами словено-рȣскими. — Бôльшое значеніє имѣло бы въ томъ дѣлѣ латинское писаніє мало-рȣскихъ словъ въ грамматицѣ Г. Пр. Миклосича, єсли бысьмо не знали, длѧ ꙗкой именно цѣли сей высокоȣченый мȣжь писалъ въ такій способъ слова наши рȣскіи. Но мы цѣль тȣю знаємъ: она состоꙗла въ желаніи, познакомити иныхъ Словенъ, которіи преимȣщественно всесловенскимъ ѧзыкословіємъ занимаютсѧ (ꙗкъ то именно Чехи и Словене юго-западніи), съ настоѧщимъ произношеніємъ словъ малорȣскихъ, которіи отъ наведенныхъ въ томъ же дѣлѣ подобныхъ словъ старословенскихъ и россійскихъ выговоромъ значно розличаютсѧ. Въ ономъ то благорозȣмномъ намѣреніи*) долженъ былъ Впчт. Профессоръ печатати наши мало-рȣскіи слова латинскими бȣквами ведлѧ правописи (не польской, но) чешской. Такъ изъ всѣхъ подвиговъ, свѣдчащихъ о мимоходномъ приноровленіи латинского письма къ словамъ ѧзыка рȣского, не оустоꙗлсѧ ни одинъ такій, который съ нѣꙗкою справедливостію подавалъ бы примѣръ до наслѣдованіꙗ длѧ всѣхъ Рȣсинôвъ.

Иніи голосы, воздающіи предпочтеніє краснѣйшой нѣбы формѣ бȣквъ латинскихъ передъ простою на-

*) Ꙗко истинно лишь таке было намѣреніє, знає писатель сихъ строкъ изъ оустъ самого же Впчт. свого Профессора.

шихъ, не оудостоиваемъ навѣть ӧуваженія; бо насъ внѣшная форма не плѣнитъ на некорысть высшого внѣтреннѣго сѹщества, якое содержится въ нашой греко-словенской азбѹцѣ и правописи; — а кромѣ того знаемъ, що, яко латинская азбѹка, живцемъ отъ греческой произшедшая, оукрасила свою внѣшню формѹ долгимъ, многонароднымъ ӧуживаніемъ: такъ оукрасится колись и наша рѹска, если ю долшое время съ любовію плекати ӧу себе бѹдемъ. Нынѣ оставляемъ то дѣло формалистамъ и типографамъ, и бôльше словъ на се не теряемъ.

Лѹчше представимъ еще нашомѹ воображенію то состояніе, въ якое попала бы рѹска словесность, если бы Рѹсины кинѹли свою азбѹкѹ, а натомѣстъ латинскѹ приняли. На самъ передъ представляеся очамъ нашимъ то, що и ӧу дрѹгихъ народôвъ при подобныхъ измѣнахъ бывало: общое замѣшательство и безконечная сварьня за азбѹкѹ. Мы пригадѹемъ тѹтъ долголѣтніи споры, якіи велися о правопись ӧу Словенъ юго-западныхъ. Ишло тамъ о измѣненіе правописей старо-нѣмецкой и старо-мадярской, а принятіе якой лѹчшой, для всѣхъ оныхъ племенъ еднакой. И що тогда не дѣялось! Одни обставали пристрастно за правописію старою, близшіи Нѣмцамъ за нѣмецкою, близшіи Мадярамъ за мадярскою; дрѹгіи — а тѣхъ было найбôльше — ковали совсѣмъ новіи зъ латинскихъ бѹквъ комбинаціи, и ставали дрѹгъ на дрѹга съ найострѣйшими мечами злорѣчія; третіи же предлагали бѹдь правопись италіянскѹ, бо Италіяне безсторонніи ихъ сѹсѣды, — бѹдь францѹзскѹ, бо языкъ францѹзскій найбôльше роспространенъ по свѣтѣ! И такъ сварились пристрастно до недавна; ажь ӧулюбленный въ южной Словенщинѣ мѹжъ, Людевитъ Гай сталъ писати чешскою правописію, и тѹю ӧуже всѣ за нимъ приняли. Такіи то замѣшательства производила измѣна не азбѹки, а одной тôлько правописи; — щожь могло бы быти ӧу насъ, для которыхъ имѣла бы змѣнитись не лише правопись, но и вся азбѹка. Що было ӧу дрѹгихъ, то за подобныхъ обстоятельствъ може быти и ӧу насъ, а може и що гôршое.

Я то горшое состояло бы въ печальномъ роспадені нашой словесности на двѣ значно оуже отъ себе отмѣнні половины: на рѹско-галицкѹ съ польскою правописію, и на рѹско-оугорскѹ съ правописію мадярскою. Правопись чешска, котора южныхъ Словенъ отъ части близше съеднинила, не могла бы оу насъ въ началѣ азбѹковыхъ переворотовъ ніякъ принятися; бо она надто мало оу насъ извѣстна, и къ томѹ отдѣлена отъ насъ двѣма иными, близшими по сѹсѣдствѹ, по складѹ же отъ чешской ажь надто розличными. Тій же двѣ по сосѣдствѹ для насъ близшіи правописи, хотя одна изъ нихъ довольно извѣстна на Рѹси галицкой, дрѹга въ за-Карпатской, но обѣ вразъ ни тѹтъ, ни тамъ не извѣстні. Я же обовязані бы мы познакомлятися съ словесными произведеніями одноплеменной намъ братіи за-Карпатской, къ чемѹ потребна есть наѹка въ такъ для насъ трѹдной и не легко понятной правописи мадярской: то належало бы даже въ меньшихъ школахъ нашихъ оучити ажь четыре правописей: словено-рѹскѹ, яко прошедшѹ; — польскѹ и мадярскѹ, — яко настоящѹ; — наконецъ чешскѹ, — яко бѹдѹщѹ. Тое же само ожидало бы въ ономъ слѹчаѣ и Рѹсиновъ оугорскихъ! Такъ то четыре разы належало бы намъ оучитися того, що до сего времени оучилися мы за однимъ разомъ, и може четыре лѣта ходити до одной и тойже класы, которѹ мы до того часѹ по одномѹ роцѣ посѣщали! Се довело бысь — ad absurdum!*)

Кромѣ того печального роздвоенія настоящои нашой, нынѣ соединеной словесности послѣдовало бы за введеніемъ оу насъ латинскои азбѹки еще одно горе, по

*) Не можемъ тѹтъ пропѹстити еще замѣчанія: якъ бы намъ належало онѹ нововводимѹю азбѹкѹ назвати? Азбѹкою именовати несправедливо, бо то имя прислѹжае письмѹ, которое начинаесь отъ: азъ и бѹки; якъ греческій алфавитъ отъ: *αλφα, βητα* (евр. aleph, bëth). Латинскѹю азбѹкѹ называютъ Чехи: Abeceda, но то имя надто оу насъ чѹже. Належало бы приняти польское: Abecadło, которое то слово должні бы мы, ведля природы малорѹского языка по подобію слова: prześcieradło=простирало, произносити настоящимъ выговоромъ малорѹскимъ: Abeciało (!).

нашом8 мнѣнію, изъ всѣхъ иныхъ найбôльше и найдотклившое. Оуже сама мысль о томъ всенародномъ горѣ есть для Р8сина ѣдка, м8чительна: бо т8 играе ролю его природне р8ское ч8вство, привязане съ любовію до всего, що своимъ колись было, що своимъ есть и донынѣ.

Д8маемъ т8тъ оономъ насильномъ розрывѣ, якій за измѣною письма м8сѣлъ бы наст8пити межи р8скою словесностію нынѣшнихъ временъ, а р8скою словесностію вѣкôвъ прошедшихъ — выше девяти! Розрывъ д8ховой жизни цѣлого народа, — то найболестнѣйшое горе, яке коли с8ществовало въ свѣтѣ! Вѣдь ни одинъ народъ не наводилъ того горя на себе сомовольно, ни одинъ народъ не срывалъ съ житьемъ своимъ прошедшимъ. Вѣдь поверховніи перемѣны, якіи отъ недавна заводятся въ письмѣ ȣ҆ченыхъ Нѣмцôвъ, якіи завелись ȣ҆ Словенъ юго-западныхъ, не измѣнили самого с8щества азб8ки, отъ первого явленія ихъ на полю словесности отъ Римлянъ принятой; не довели ихъ до той крайности, абы нынѣ Нѣмецъ или южный Словенинъ не возмогъ перечитати той свою стар8 нѣмецк8, сей свою стар8 латинско-словенск8ю книжк8. Тая невозможность предъоставлена была бы едино для насъ, австрійскихъ Р8синовъ, котори, за отверженіемъ греко-словенского письма однѝ на всю Европ8 забыли бы съ временемъ читати старинніи свои книги!

Но пытаемъ, можно ли под8мати о сын8, абы онъ вырекся памяти родного отца? благородно ли желати отъ народа, абы вырекся своихъ предковъ, котори житье его основали, — своей исторіи, котора свѣдчитъ о его дѣлахъ, о его славѣ; — абы забылъ о томъ, яко ôнъ не отъ нынѣ, не отъ 1848 года жіе т8 на свѣтѣ Божомъ, на яко жилъ, д8малъ и писалъ по свом8 отъ лѣтъ около тысяща!

Д8маютъ ли тіи, котори совѣт8ютъ намъ измѣнити письмо наше стародавне, що мы лишь однѝ изъ всѣхъ племенъ такіи выродки, же своевольно, отцеб8йски вымажемъ изъ памяти все, що зъ воли Божой с8ществовало за житья мин8вшого? Д8маютъ ли, що мы такъ мало привязанѝ до свого, же кинемъ то за пер-

вымъ ꙗвленіемъ новои моды? Дȣмаютъ ли, що мы одни такъ слабоȣмнй, же не знаемъ розсȣдити, що длѧ насъ добре, а що не добре? Дȣмаютъ ли наконецъ, що єдино мы такъ не благороднй, абысьмо не стоꙗли крѣпко при томъ, що всенародно за добре длѧ себе ȣ҃знались мо?

Да розберȣтъ они тѣ наши вопросы и ȣ҃момъ и сердцемъ, — а оуведаютъ, чомȣ мы такъ оупорно на нихъ представленыꙗ отвѣчаемъ все: „мы того не приймаемсѧ, бо такъ оу насъ не бывало!“

Столько въ семъ дѣлѣ — pro domo sua!

—◇◇◇—

СОДЕРЖАНІЕ.
